

Мелина Боярска

ЕДИНСТВЕННАЯ
для КНЯЗЯ
Как долго я тебя искал

Боярова Мелина

Единственная для князя.

Как долго я тебя искал

<https://litres.ru/74214689>

Аннотация

Однажды я проснулась и осознала, что ничего не помню о себе и собственном прошлом. Говорят, я важный свидетель в громком преступлении, и мои показания помогут разоблачить убийцу. Я готова сотрудничать со следствием и хочу вспомнить, кто же такая гимназистка Молчанова. Проблема в том, что я совсем не тихоня и отличница, за которую меня все принимают. И самое ужасное, что великий и безупречный канцлер, лично заинтересованный в расследовании, начинает меня в чем-то подозревать. *** - альтернативный мир Российской империи, описанный в цикле "Талисман для князя" - события развиваются, спустя 12 лет ***

Цикл "Талисман для князя" 1. Щит рода - , 2. Надежда рода, 3. Глава рода, 4. Хо`шен императора

Еще книги по миру "Талисмана" с любимыми персонажами: 5. Единственная для князя. Как долго я тебя искал 6. Маг Мороз и его неугомонное счастье 7. Хозяйка Ольбранского замка 8. Брак по расчету. Счастью не прикажешь

Эта история в бумажном варианте доступна на маркетплейсах и в Руграм-Шоп.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	76
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Глава 1

Запах больницы ни с чем не спутаешь. Смесь лекарств и обеззараживающего средства намертво въедается в оштукатуренные стены, оседает на дощатом полу, подоконниках и полированных спинках кроватей. Я еще витала в приятной дреме, цепляясь за обрывки сна, а в носу уже свербело от хлорной извести.

До слуха донеслось ворчание уборщицы и скользящий звук швабры с характерным постукиванием. Ежедневная уборка помещений и неизбежный ранний подъем пациентов – классическое начало дня в любом лечебном заведении нашей необъятной страны. Наконец, хлопнула дверь, обдавая меня легким сквозняком, и наступила тишина. Однако я уже проснулась. Едкий запах стал резче, проникнув внутрь вместе с порывом воздуха, чему я искренне возмутилась и оповестила об этом громким чиханием. Туман в голове сразу прочистился, я распахнула глаза и уставилась в беленый потолок.

И что это я здесь делаю? – возник резонный вопрос и следом не менее важный. – А я – кто?

Странное ощущение – не знать, кто ты такая, и в то же время понимать, что это ненормально. Ведь, если ты чего-то не помнишь, то и не задумываешься над этим. Я встряхнула головой, затем прикоснулась пальцами к вискам и с силой на

них надавила. Кроме вспышки боли, это действие ничего не принесло. Что-то мешало вспомнить.

В одноместной палате, помимо кровати, стула и тумбочки, на стене у входа висел рукомойник. Под ним располагалась металлическая чаша, упрятанная в деревянную тумбу, на которой я заметила мыльные принадлежности и зеркальце на длинной ручке. К нему-то я и устремилась за ответами.

Из тусклого прямоугольника на меня грустными глазами цвета медового хмеля смотрела миловидная блондинка с пухлыми губками. Я сжала их в тонкую полоску и нахмурилась, придирчиво оценивая себя со стороны. Рост выше среднего – откуда-то я это знала, фигура спортивная, сформировавшаяся, привычная к физическим нагрузкам. Волосы густые, но слишком тонкие и воздушные. Прически на таких долго не держатся. Родимые пятна и прочие отметины на видимых местах отсутствуют. И лет мне на вид от семнадцати до двадцати, хотя по ощущениям намного старше. Что же, неплохо для начала. Осталось выяснить, кто я и как сюда попала.

Накинув поверх ночной рубашки больничный халат, я сунула ноги в матерчатые тапки и прошлепала к двери, высунав нос наружу. Хм, длинный коридор с палатами по обе стороны. Примерно посередине находится стол дежурной медсестры. Слева на кушетке, откинувшись к стене, дремлет немолодой мужчина в униформе. Несмазанные петли скрипнули, и незнакомец тут ж встрепенулся, машинально поло-

жил правую руку на кобуру с торчащей наружу коричневой рукоятью табельного оружия.

– Барышня? – увидев меня, мужчина нахмурился. – Не положено! Вернитесь в палату!

– Кем не положено? Что не положено? – Я оторопела, а дежурная подняла заспанное личико, несколько секунд смотрела непонимающим взглядом, а после подскочила с места и бегом бросилась ко мне.

– Барышня, что же вы встали? Нельзя вам! Доктор не разрешал подниматься. Вернитесь в палату, пожалуйста! – приблизившись, машинально подхватила меня под локоток, но тут же отдернула руку, будто я прокаженная.

– Извините! – Я растерялась, совершенно ничего не понимая. – Мне нужно посетить туалетную комнату.

– Не извольте беспокоиться! Сейчас Марью Кузьминичну пришлю, и все на месте сделаете. А вставать нельзя. Вдруг головокружение начнется? Или обморок случится? Вчера Эдуард Францевич весь резерв на вас потратил. Что же вы, столько трудов и насмарку? Никак нельзя, Настасья Трофимовна. Идемте в палату.

Анастасия Трофимовна? Ну, хоть имя узнала. Кстати, на двери с наружной стороны висела табличка, где значилась пациентка Молчанова. Выходит, это я и есть?

Задумавшись, я вернулась в палату. Медсестра чуть ли не на пятки наступала и семенила следом, будто опасалась, что я нарочно бухнусь тут в обморок. Нет, это не мой вариант –

слишком отличаюсь от изнеженных девиц. Хм, откуда такая уверенность?

– Молчанова Анастасия Трофимовна – это я? – уточнила на всякий случай.

– А вы не помните? – Девушка посмотрела на меня с жалостью. – Эдуард Францевич предупреждал, что возможна кратковременная потеря памяти. После ментального удара и не такое случается. Из группы только вы и выжили... – осеклась, прикрыла рот ладошкой и покосилась на дверь, за которой сидел караульный. – Ой! Не велено же ничего рассказывать. Не выдавайте, пожалуйста!

– Не выдам! – Кивнула решительно. – Только и вы помогите. Расскажите, что обо мне известно? Как я сюда попала?

– Да не знаю я ничего толком, – медсестра испуганно понизила голос. – Я в ночную смену вчера заступила, а вас еще днем привезли. Главный, говорят, ни на шаг из палаты не уходил, а в коридоре столько народу толпилось – ужас. Околоточный, жандармы, важные господа в штатском, маги – посмотреть в их сторону лишний раз страшно. Слухи по больнице расползлись, будто гимназистов с Большой Дворянской насмерть поубивало. Жалко-то как! – достала платочек из передника и смахнула слезинки со щек.

Я присела на кровать, огорошенная новостями. Получается, погибли люди, с которыми я была знакома? Внутри шевельнулась жалость, но тут же и заглохла. Конечно, я сочувствовала горю, что пришло в чужие семьи, но ощущения по-

тери не испытывала. Может, из-за того, что ничего не помнила об этих ребятах?

Медсестра, воспользовавшись моей задумчивостью, тихонько выскользнула за дверь, а на смену ей минут через десять пришла Марья Кузьминична – санитарка, ухаживающая за тяжелыми больными. С собой она принесла теплой воды для умывания и судно.

– Так, я же хорошо себя чувствую, сама дойду до туалетной комнаты, – возразила, опасливо разглядывая нехитрое приспособление.

– Вот и ладно! Эдуард Францевич будет рад. А вставать и выходить из палаты не велено. Вы уж не подведите, не нарушайте установленный режим. Вдруг вам хуже сделается, с кого за это спросят?

Сопротивляться установленным правилам я посчитала бессмысленным. Только отчего все так опасаются ко мне прикоснуться? Заметила, что санитарка тоже держится на расстоянии.

Пока она перестилала постель, я умылась, почистила зубы, расчесала волосы и заплела тугую косу. Уже потом обратила внимание, насколько привычны для меня эти действия.

Перед уходом Марья Кузьминична смахнула пыль с подоконника и мебели, протерла дверные ручки и предупредила, что завтрак принесет после обхода. Вдруг доктор процедуры назначит, при которых кушать нежелательно? Я равнодушно пожала плечами. В данном вопросе ничего не пони-

мала, хотя не отказалась бы перекусить. Забравшись в кровать, как настойчиво просила женщина, вытянула руки вдоль тела и покивала, заверяя, что вставать до прихода доктора не буду. Но, стоило санитарке выйти за дверь, как я тут же вскочила и босиком прошлепала к окошку с двойным рядом стекол. Из моей палаты просматривался внутренний больничный двор с палисадником и скамеечками для отдыха. У крылечка, свернувшись клубком под навесом, лежал дворовый пес. И воробьи, нахохлившись, сидели на голых ветках единственного дерева. Ненастная погода и морозящий дождик не располагали к прогулкам.

Заслышав шаги и шум разговоров снаружи, я вернулась в кровать. Только успела вытянуться, как дверь распахнулась, запуская толпу народа. Хотя обозвать их толпой я погорячилась. Вошли двое: широкоплечий мужчина в белом халате и средних лет дама в сером платье с белым передником.

– Ну-с, доброго здоровья, Анастасия Трофимовна, – поздоровался доктор и притормозил у рукомойника, споласкивая руки. – Как самочувствие? Есть ли жалобы?

– Здравствуйте, э... Эдуард Францевич? Самочувствие нормальное, жалоб нет, – ответила неуверенно.

– Вот как? – Мужчина изумленно вскинул бровь. – А мне тут передали, что с памятью проблемы возникли. Будто бы имени собственного не вспомнили. Это так?

– Так! – Я нервно улыбнулась. – Но у меня ничего не болит, руки-ноги на месте – все в порядке.

– Не скажите, барышня. – Доктор подошел к кровати и присел с краю. – Давайте посмотрим на ваше «в порядке». Полежите смирно.

У меня глаза округлились, когда мужчина занес ладони над моей головой. Пространство вокруг его рук будто бы посветлело, а меня коснулось что-то ласковое, доброе и теплой волной прошлось по телу. Сразу прибавилось сил, появилось непреодолимое желание подскочить с места, заняться каким-нибудь делом. Только просьба «полежать смирно» удерживала на месте.

– Действительно, физические показатели в норме, – подтвердил Эдуард Францевич. – Сейчас только кровь посмотрим, очистилась ли, а то дымом так надышалась, думал, не откачаем. – Мужчина коснулся жилки на моем запястье и замер, минуту слушая пульс. – Чисто! Вот и славно! – Посмотрел на меня хитрым прищуром глаз.

Он не побрезговал взять меня за руку, и это приятно удивило. А вот то, что последовало за этим, напугало немного. Я вдруг отчетливо увидела, чем доктор занимался перед обходом. У него состоялась беседа с человеком в военной униформе, который прибыл в сопровождении еще двух сотрудников. Невольно ощутила неприязнь, которую вызвал столь ранний визит у Эдуарда Францевича. Причем, неприязнь профессиональную, означающую, что эти посетители готовы на крайние меры, лишь бы добиться результата.

– К вам тут из Следственного комитета пожаловали, –

предупредил Эдуард Францевич. – Я рекомендовал дать вам пару дней полного покоя и постельного режима, но дело уж больно важное.

– Доктор! – Я вцепилась в рукав его больничного халата. – Но я ничего не помню! Абсолютно! Чистый лист. Что я им скажу?

– Правду, Анастасия Трофимовна, – Эдуард Францевич участливо похлопал по моей похолодевшей ладошке и вежливо отстранился. – Исключительно правду! Зиночка, – обратился к молчаливой помощнице, – пожалуйста, сообщите, как Их превосходительство закончит беседу.

– А лечение? Особые распоряжения будут? – уточнила женщина красивым грудным голосом.

– Позже назначим. Посмотрим, что маг скажет. – С этими словами мужчина поднялся и вышел из палаты.

Дверь не успела закрыться, как на пороге показались те самые личности из странного видения. Первый – седовласый мужчина в наглухо застегнутом черном мундире с двойным рядом пуговиц, воротник-стойку и обшлага которого украшало золотое шитье. Внешность у гостя запоминающаяся: пышные усы, шрам над левой бровью и внимательный взгляд глубоко посаженных глаз. Добродушная улыбка ничуть не обманула в том, что настроен он решительно. Его спутники по-деловому рассредоточились по комнате. Один устроился в изголовье за спинкой кровати. Второй – занял место у двери и зашторил смотровое окошко.

– Доброго утра, барышня! – Первым заговорил важный гость, усаживаясь на единственный стул, придвинутый вплотную к кровати. – Начальник Следственного комитета имперского сыска, действительный статский советник Лутецкий Степан Аверьянович. Это, – указал на моложавого мужчину у входа, – старший следователь Запрудов Николай Васильевич и штатный маг разума четвертой категории Остромыслов Глеб Валерьянович, – кивком обозначил третьего гостя.

– Здравствуйте! – Не знаю, что больше впечатлило, высокий чин посетителя или присутствие мага разума? – Чем могу помочь, Ваше превосходительство?

– Можете, Анастасия Трофимовна. Поможете тем, что расскажете подробно о вчерашних событиях.

– Но я... я не помню. Только имя свое недавно узнала, и ничего больше.

– Глеб Валерьянович? – мужчина бросил взгляд на мага.

– Не врёт, – подтвердил он. – С вашего позволения, я хотел бы убедиться.

Начальник степенно кивнул, давая такое разрешение, отчего у меня внутри все похолодело. Видно, моего согласия даже не требовалось. Я расслышала шорох снимаемых перчаток, затем сверху нависла тень, а на виски легли чужие прохладные пальцы. Я сжалась в ожидании неприятных ощущений, и не ошиблась. Голову будто жгутом передавило и прострелило резкой мигреновой болью. Из глаз брызнули

слезы, и я закусила до крови нижнюю губу, чтобы не закричать. Помочь я хотела и вспомнить – тоже. Ради этого стоило потерпеть. Не представляла только, что это так больно.

– Ааа! – Все же не выдержала и закричала в голос.

Как бы я хотела в этот момент побыть слабой барышней, падающей в обморок от малейшего испуга. Но даже зубодробительная боль не заставила потерять сознания. Как в тумане расслышала приказ Лутецкого прекратить, а после в дверь, удерживаемую третьим сотрудником, забарабанили.

– По какому праву? – расслышала возмущенный голос. – Гимназистка Молчанова – пострадавшая, а вы обращаетесь с ней, как с преступницей!

– Зачем же я пациентку с того света вытаскивал, чтобы ее тут же угробили! – узнала я во втором заступнике Эдуарда Францевича.

Судя по звукам, защитники прорвались в палату. Разглядеть их мешало противное мельтешение в глазах.

– Девушка – важный свидетель! – скупно огрызнулся действительный статский советник. – Ее показания помогут найти убийцу!

– Но я ведь предупреждал об амнезии! – укорил доктор. – Грубым вмешательством вы только навредите. Желаете, чтобы молодая и полная сил девушка превратилась в овощ?

Эй! Какой такой овощ? Мы так не договаривались.

К троице в черном возникла резкая антипатия. Я и так не испытывала к ним теплых чувств, а после экзекуции, кото-

рой меня подвергли походя, совершенно утратила доверие.

– Это дело государственной важности! Молчанова – будущий сотрудник полиции и дала согласие на процедуру.

– Она ничего не помнит, и сама не поняла, на что согласилась, – продолжал рьяно защищать меня незнакомый голос.

– Довольно споров! – устало произнес Лутецкий. – Эдуард Францевич, какие прогнозы на восстановление памяти?

– С этого и надо было начинать! Я думал, ваш мозголом справится, поможет как-то, подстегнет умственные процессы, отвечающие за воспоминания. А теперь что? Мне нужно ее осмотреть, чтобы дать прогнозы.

– Ну, так осматривайте! Кто мешает? – Я расслышала звук отодвигаемого стула, шорох и удаляющиеся шаги.

Ага, а другой так и навис, следит за каждым движением. Мага я теперь здраво опасалась и не желала иметь с ним дел. Поэтому лежала, не шевелясь, чтобы он снова не принялся за свое. Ирод! Хоть бы предупредил, что это опасно.

Но вот я снова почувствовала тепло и прилив сил, отчего на губы невольно напозла блаженная улыбка.

– Спасибо! – Чуть приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на спасителя.

– Как самочувствие, Анастасия Трофимовна? – участливо поинтересовался Эдуард Францевич.

– Значительно лучше. Голова только гудит и тошно в груди. – Прислушалась к себе. – Не думала, что это будет так...

Краем глаза заметила, как маг покинул место в изголовье

кровати, подошел к Лутецкому и что-то шепнул тому на ухо. Начальник бросил на меня подозрительный взгляд, будто намеревался подловить на чем-то, но я не отвела глаз и выдержала эту короткую схватку.

– За вами будет присматривать мой человек, – предупредил на прощание действительный статский советник. – Если что-то вспомните, немедленно сообщайте. Берегите себя.

Когда троица в черном вышла из палаты, я выдохнула с облегчением. Одно присутствие представителей Следственного комитета наводило страх, который теперь еще подкрепился угрозой физической расправы.

Доктор рекомендовал мне покой и сон, даже прописал успокоительные капли, которые надлежало принять сразу после завтрака. Но перед этим состоялось еще одно знакомство. Тот самый голос, что остановил пытку, принадлежал крепкого телосложения мужчине с пышными бакенбардами. Лицом он покраснелся, глаза из-под кустистых бровей метали молнии. И слава Богу, что не я тому причиной! Но в целом, весь облик Демида Ивановича Савушкина, как он мне представился, в серо-синем длиннополом кафтане, скрадывающим округлый живот, армейских штанах с лампасами и начищенных до блеска сапогах вызывал положительные эмоции. Как-то сразу верилось, что этот человек только кажется суровым, а на деле – добряк, радеющий за дело и переживающий за воспитанников, как за собственных детей. Статский советник Савушкин возглавлял Седьмую губернскую гимна-

зию на Большой Дворянской улице, где я проходила обучение. Отсюда его заступничество и спор с представителями Следственного комитета.

Демид Иванович пожелал скорейшего выздоровления и возвращения в родные пенаты. А я посетовала, как же буду учиться, если ничего не помню.

– Наверстаєте, голубушка, – заверил директор, ничуть в этом не сомневаясь. – С вашим цепким умом и талантами быстро восстановите навыки. Дадим вам отсрочку и возможность пересдать экзамены. Учитывая сложившуюся ситуацию, Попечительский совет пойдет вам навстречу. А я еще компенсацию с Управы стребую, что засунули стажеров волку в пасть. Если потребуется, до императора дойду! Сполна ответят за гибель гимназистов, будьте уверены!

– Спасибо! – А что тут еще скажешь? Пока все происходящее вокруг – темный лес.

После ухода Демиды Ивановича я, наконец, позавтракала, послушно выпила лекарства и провалилась в забытие. Сны меня посетили странные, будто бы я видела мир чужими глазами. Вроде бы он был похож на привычный, и в то же время был другой. И лет мне за сорок, семья имеется, детки. Работала я в здании этажей на сто, до дома добиралась на подземной конке, разгоняющейся до такой скорости, что от шума свистящего снаружи ветра закладывало уши. Наверное, из этих странных сновидений и взялось ощущение, что я старше, чем выгляжу. Но сны были такие живые, настоя-

щие, что я невольно засомневалась в собственном существовании. Быть может, все как раз наоборот, и это Настя Молчанова появилась из ночных грез?

Проснулась рывком, с навязчивым ощущением нереальности. Так умом недолго тронуться, ничего не зная о себе и наблюдая за жизнью другого человека собственными глазами. Но отчего-то я четко знала, что настоящая я тут, в этом теле. Тогда, как незнакомка из снов – совершенно посторонняя дама. Может, я потому и не помню ничего о себе, что это как бы один сон внутри другого? Мало ли, чего только не бывает на свете?

Для наглядности ущипнула себя за руку – кожа тут же покраснела. Значит, не сплю. Да и какой же это сон, если желудок урчит от голода? Нет, пока лучше не думать о снах, иначе точно свихнусь, а мне этого, ой, как не хочется.

На этот раз мое пробуждение не осталось незамеченным. Не прошло и пяти минут, как в палату зашла медсестра с градусником, а следом и Марья Кузьминична притащила поднос с больничной едой. Жиденький супчик на курином бульоне пришелся кстати. Управилась я быстро, только успевала ложку ко рту подносить. Затем санитарка принесла тазик для омовений и простынь вместо полотенца. С удовольствием привела себя в порядок, после чего приняла лекарства и вновь провалилась в сон со странными сновидениями, которые развеялись при пробуждении.

Утром после обхода и плотного завтрака меня выписали,

потому что физических недомоганий доктор Гельберг не обнаружил. В дальнейшем Эдуард Францевич велел заглянуть к нему через неделю на осмотр, или же сразу обращаться, если возникнут жалобы. С возвращением памяти посоветовал не спешить. Рекомендовал окунуться в привычную атмосферу, побыть с семьей, друзьями. Только вот родным домом, как оказалось, последние три года была гимназия.

Встретить меня приехал Демид Иванович. Он же и рассказал, что прибыла я из глухой деревушки Демьяново, расположенной в семидесяти верстах от Воронежа. Единственная дочь помещика Молчанова, который скончался незадолго до того, как я появилась на пороге гимназии. Собственно, мое состояние – та самая деревушка в семь дворов, да тридцать пять крестьянских душ, о которых надлежало заботиться.

Информацию я восприняла отстраненно и даже равнодушно. Глухая деревня, крестьяне, что с ними делать? Справлялись же без меня три года? Значит, и дальше проживут. Тут бы с собственными проблемами разобраться. Начиная с того, что, оказывается, я опасный для общества человек. Не зря медсестры шарахались, страхась лишний раз ко мне прикоснуться. Вчера под воздействием сонных капель не успела поразмыслить, как так вышло, что я увидела, с кем доктор беседовал перед обходом. Причина выяснилась утром, когда директор гимназии доставил новую форму взамен испорченной.

– Доброго утра, Анастасия Трофимовна! – поздоровавшись и испросив разрешения войти, Савушкин протиснулся боком, чтобы занести поклажу. – Одежду вашу пришлось в утиль списать. Обгорела в нескольких местах и истлела под воздействием темного заклинания. Так что я дал распоряжение интенданту выдать новый комплект униформы и прихватил его с собой, раз уж Эдуард Францевич информировал о выписке.

Тяжелую ношу мужчина сгрузил на стул, после чего развязал шпагат на свертке и снял оберточную бумагу.

– Спасибо за заботу. – Я поднялась с кровати и подошла, чтобы разобрать стопку одежды.

Сразу отложила в сторонку пальто из серого сукна, фуражку с козырьком и жестяным знаком на околышке, полусапожки на каблучке. Их надену в последнюю очередь.

– Это малое, что я мог сделать. – Директор вздохнул и полез за пазуху, выуживая из недр полукафтана потрепанные длинные перчатки из светлой кожи. – К сожалению, ваши безвозвратно пострадали. Я уже составил акт об утрате и списании для комитетчиков. Эти перчатки я временно позаимствовал из хранилища. В дальнейшем придется заказать новые у артефактора и поставить отметку о получении в отделении Надзора.

– В каком смысле? Зачем? – Я озадаченно уставилась на обычный с виду аксессуар, не понимая, что в нем особенно-го.

– Ах, да! – Мужчина чуть не хлопнул себя по лбу. – Вы и этого не помните. Дело в том, что наша гимназия готовит особых специалистов для полиции и комитетчиков. Вы, Анастасия Трофимовна, как и остальные сто восемнадцать учеников, наделены редкими возможностями, позволяющими раздвинуть границы реальности и увидеть то, что недоступно остальным людям.

– Как это? – Я опешила, прежде не связывая поведение обслуживающего персонала с непонятными способностями. – Выходит, я – маг?

– Нет! – Демид Иванович виновато поджал губы. – Среди одаренных вы считаетесь слабосилком. Если грубо, то недомагом. Так бывает, когда предрасположенность к развитию дара есть, но внутренний источник не раскрылся. Подобные вам обладают некоторой чувствительностью к проявлениям магии. Однако даже в таком урезанном варианте вы способны принести обществу неоценимую помощь.

– Какую? – Я удивленно захлопала глазами, еще не понимая, как к этому относиться.

– Видите ли, Настенька! – произнес Савушкин участливым голосом. – Наша гимназия – одна из немногих в империи, кто готовит будущих видоков. Они – первейшие помощники следствию в поимке преступников. Боль жертвы, ее страдания или смерть оставляют отпечаток на ткани мироздания. А у вас отсутствие полноценного дара компенсируется усиленным чутьем и способностью взаимодействовать

с тонким миром. Вы видите события, произошедшие на месте преступления, и оказываете посильную помощь в поимке злодеев.

– Полагаю, самих злодеев такое положение дел не устраивает? – сделала очевидный вывод.

– Разумеется, – мужчина кивнул, – поэтому в программе обучения гимназии основной упор идет на физическую подготовку и владение огнестрельным оружием. За наших выпускников разворачивается настоящая борьба между уездами. Заполучив такого специалиста, власти его шибко берегут и всячески поощряют.

– А еще боятся и презирают, – хмыкнула, ничуть не обманувшись радужными перспективами. – Ну, а что же маги? Разве они не способны чувствовать тонкие материи?

– Если желаете, продолжим этот разговор позже, – ушел от ответа Демид Иванович. – Я должен подписать у заведующего бумаги на выпуск, а вам следует переодеться. Поэтому, Анастасия Трофимовна, вынужден оставить вас ненадолго.

Проводив директора тяжелым взглядом, я плотнее притворила за ним дверь. На лавке мимоходом заметила уже знакомого стражника и усмехнулась. Оказывается, вон какая я важная персона, что мне даже персональная охрана положена.

Униформа гимназистки состояла из длинного в пол строго шерстяного платья, застегивающегося под горло. К нему

прилагался новенький комплект нижнего белья в фабричной упаковке, куда входила сорочка на бретелях, панталончики и хлопчатобумажные чулки, которые крепились к поясу с подтяжками. Отдельно лежали носки и теплые гамаши. С верхней одеждой я повременила, ограничившись только перчатками. Прежде чем надеть, рассмотрела внимательно, что же в них такого, чтобы заказывать у артефакторов. Мягкие на ощупь и без единого шва, они легко садились, обтягивая руки будто вторая кожа. Тыльные стороны перчаток украшала руническая вязь. Что-то подсказывало, именно рисунок и особый крой сообщали окружающим, кто перед ними находится.

– Вы готовы? – постучавшись, в палату заглянул Савушкин.

– Да! – Долгих сборов не требовалось, поэтому я накинула поверх платья пальто, уложила на голове фуражку, которая норвила съехать набок из-за мешавшего пучка волос, и поспешила на выход.

Уходила я из больницы с некоторым опасением перед ожидающей за порогом неизвестностью. Немного удивилась, не обнаружив стражника под дверью. Неужели сняли охрану? Нет, мужчина встретил у выхода, молчаливо раскрыв надо мной зонт. Под присмотром директора и озирающегося по сторонам телохранителя, меня довели до монструозного автомобиля, сверкающего бронзовым лаком и медными деталями отделки. Я скользнула внутрь салона и робко при-

строилась на краю диванчика из светло-коричневой кожи. Оба моих спутника, хлопнув дверцами, уселись по бокам. Молодой водитель задорно подмигнул в зеркало заднего вида, завел мотор и резко сорвался с места, отчего меня с силой вдавило в спинку роскошного сиденья. В этот момент внутри невольно екнуло от понимания, что и в моей жизни случился рывок, который резко отбросил назад. Но ничего, я справлюсь, дайте только разобраться, что происходит вокруг.

Глава 2

Во время поездки поговорить с директором гимназии не получилось. Виной тому наличие лишних ушей из Следственного комитета. Да и сама обстановка не располагала к душевным беседам. Я с опаской рассматривала угрюмого мужчину, в обязанности которого входило круглосуточное наблюдение за мной. Нахлебов Тарас Григорьевич – старший унтер-офицер, городской полицейской Управы, оказался на редкость молчаливым. Директор представил нас друг другу, на что охранник буркнул «Здоровья желаю!» и уставился в окно. Зато водитель – полная противоположность, болтал без умолку. Он радостно сообщил, что ему также поручено сопровождать и напутствовать барышню Молчанову вне стен гимназии. Так что, если надумаю выйти в город, то непременно под его присмотром. Достаточно telefonировать или отправить магический вестник, и он тут же прибудет, если только на срочный вызов не пошлуд. В таком случае, следовало непременно дожидаться его возвращения.

– Не переживайте, Константин Алексеевич, – осадил говоруна Савушкин. – Меня уже уведомили, что за Анастасией Трофимовной необходим особый присмотр. Смею напомнить, что я равно отвечаю перед империей за каждого ученика. Без моего разрешения никто не вправе уходить с территории гимназии. Поэтому, если в Следственном комитете

намечаются мероприятия с участием моих подопечных, то прошу составлять запрос на их убытие заранее и по установленной форме.

– Непременно учту, Ваше высочордие, – отозвался парень и, поймав в отражении зеркала мой взгляд, снова подмигнул. – Нам с Анастасией Трофимовной предстоит долгое сотрудничество.

Охранник только хмыкнул на это заявление, но никак не прокомментировал. А вот со мной, чувствуется по напряжению со стороны директора, еще состоится предметный разговор на эту тему.

Автомобиль тем временем лихо помчался по Большой Дворянской и, притормозив у трехэтажного здания из красного кирпича, свернул на подъездную дорожку. Широкое крыльцо со ступенями из белого камня, арочные окна в белом обрамлении, поднятый на высоту второго этажа балкон, подпираемый полуколоннами, придавали строению легкий налет средневековья и романтизма. С некоторым волнением я приняла помощь директора при выходе из машины и на миг замерла, осматриваясь. Осенний ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья и кружил их, замечая чистую дорожку. Дождь прекратился, но морось еще оседала на лице прохладной влагой, пахло грибной сыростью.

– Не вспомнили? – участливо поинтересовался Демид Иванович, на что я с огорчением помотала головой. – Тогда расскажу в двух словах, что и где находится. Позже сами

освоитесь, да и ребята подскажут.

Подхватив меня под локоток, мужчина увлек к крылечку.

– До свидания, Анастасия Трофимовна! – донеслось со спины.

Обернувшись, я улыбнулась парню и помахала рукой, прощаясь. В ответ он еще больше расцвел, излучая оптимизм и веселье. Но мне не оставили времени на расшаркивания и настойчиво подтолкнули ко входу. Я расслышала, как хлопнула дверца водительского сиденья, взревел мотор, и после раздался резкий визг шин. Это комитетчик лихо развернулся и рванул с места, направляясь по дальнейшим делам.

– Эх, молодость! Все куда-то спешит, торопится. Вы поосторожнее с этим молодым человеком, Анастасия Трофимовна, – нравоучительно произнес директор.

– А что с ним не так? – Я наивно распахнула глаза.

– Да, пожалуй, все так, – не стал возводить напраслину мужчина. – И даже больше: у титулярного советника и штатного видока Следственного комитета Зорина блестящие перспективы в Ведомстве.

– О! Значит, он тоже незнакома? – Я слишком переволновалась, чтобы заметить на нем перчатки особого кроя.

– Кхм, я хоть и привык называть вещи своими именами, но в обществе лучше не употреблять этого понятия. Оскорбительно-с. Но – да, Константин Алексеевич незнакома и дворянин. Партию себе будет подыскивать среди дворянок с вы-

раженным стихийным даром. Это я к тому предупреждаю, чтобы вы не строили иллюзий относительно господина Зорина, потому что и подсказать больше некому. Насколько мне известно, родителей или других родственников у вас не осталось, а значит, я несу за вас ответственность и принимаю участие в дальнейшей судьбе. Ну-с, идемте внутрь, а то некоторые уже носы расплющили, выглядывая нас.

Я бросила мимолетный взгляд на ближайшие окна и заметила стайки подростков, облепивших подоконники. Любопытные взгляды так и буравили со всех сторон, просвечивая насквозь. Поежившись, я плотнее запахнула пальто и устремилась к массивным дверям, распахнувшимся при нашем появлении.

– Здравия желаю! – вытянувшись, козырнул дежурный в серо-синей униформе. Директор ответил, как полагается, а я буркнула растерянное «привет», поймав на себе жалостливый взгляд парнишки.

В просторном холле царил печальный полумрак и ощущался еле уловимый аромат хризантем и свечного нагара. Источник запаха обнаружился тут же. Прямо по центру располагался стол, на котором стояли два портрета с траурными ленточками, а возле них лежали живые цветы и тлела лампадка. Василевский Глеб Викторович и Пахотин Антон Аркадьевич – обоим едва исполнилось по семнадцать лет. Горло сдавил предательский ком. При взгляде на лица мальчишек, испытала неуловимое узнавание. Подробностей я не

помнила, к сожалению, но чувствовала какую-то связь с этими ребятами.

– Мы... дружили? – Посмотрела на директора глазами, полными невесть откуда взявшихся слез.

Савушкин только поджал губы и кивнул, сочувственно хлопав меня по плечу. Может, надеялся, что вспомню?

– Гардероб внизу, давайте, покажу вам. – Демид Иванович кивнул на дверной проем справа, за которым начиналась лестница.

Первый этаж гимназии являлся полуподвальным, поэтому там размещались хозяйственные помещения, необходимые для комфортного проживания. Помимо гардеробной, здесь располагалась прачечная и сушильня, вещевого склад и продуктовая кладовая, кухня с подсобкой и отдельным входом. На втором – центральном этаже обустроили учебные классы и кабинеты администрации, столовую, актовый зал для торжественных мероприятий. Третий этаж занимали жилые комнаты, поделенные на женское и мужское крыло, в каждом – по одной общей умывальне и душевой. Большое помещение было отдано под библиотеку, совмещенную с читальным залом и классами для выполнения домашних заданий.

Меня сопроводили в левое крыло, порекомендовав дальнейшие заботы воспитательнице.

– Зоя Матвеевна Панфилова, – представилась женщина, которую явно предупредили о моих проблемах с памятью. –

Я отвечаю за порядок в комнатах и дисциплину. Также обращайтесь ко мне по всем хозяйственным и учебным вопросам.

— Благодарю! — Кивнула, не зная, что еще ответить. — Вопросы, наверное, возникнут, но так сразу не готова их озвучить.

— Я все понимаю и не тороплю. — Женщина увлекла за собой и остановилась у последней комнаты по коридору. Распахнув дверь, на которой я не заметила замков или задвижек, воспитательница жестом предложила войти. — Это твоя комната. Твоя и еще трех других девушек, — пояснила она, ступая следом.

Внутри помещение до боли напомнило больничную палату. Та же чистота и строгость — ничего лишнего. Четыре спальных места, два письменных стола у просторных окон. Постели тщательно заправлены, на тумбочках в изголовьях лежат одинаковые стопки книг и тетрадей. Спинки кроватей завешены аккуратно сложенными полотенцами, в изножье — по сундуку для личных вещей. У входа предусмотрена вешалка, а над ней полочка для головных уборов. Внизу выстроились в ряд казенные тапочки с меховой оторочкой. Я переобулась и замерла в нерешительности.

Какая же из четырех кроватей моя? — Присмотрелась внимательнее, выискивая детали, указывающие на их хозяек.

Никаких различий в кажущейся на первый взгляд одинаковости я не обнаружила. Тогда оценила расположение са-

мих спальных мест, гадая, какую бы из кроватей предпочла, будь у меня выбор. Взгляд упал на дальний угол, который не сразу бросался в глаза от входа, но в то же время оттуда просматривалось все, что происходило в комнате.

– Эта? – уточнила у Зои Матвеевны, на что она одобрительно кивнула.

– Верно. Настя, ты что-нибудь вспомнила?

– Нет! – Мотнула головой. – Я только предположила, какое место мне бы больше понравилось, и не ошиблась.

Под неодобрительным взглядом воспитательницы я плюхнулась на кровать, пробуя пружины матраса на прыгучесть и скрипучесть одновременно. Скрипа не слышалось, что порадовало, да и матрас оказался довольно жесткий. Но мне это даже понравилось. Затем я исследовала содержимое тумбочки. Расческа с зеркальцем, шпильки для волос, шило-мыльные принадлежности, бытовая мелочевка – ничего особенного. В сундуке нашла ночную рубашку и халат, сменное белье и униформу для спортивных занятий. Все стандартно и, не удивлюсь, точно такое же, как у других гимназисток.

Хм, а ценные вещи где хранятся? Ясно, что не на виду. В тумбочку и сундук заберется любой, кто пожелает или обладает такими полномочиями. Интересно, есть ли у меня дневник или личные записи?

– Удостоверения личности и наличные средства хранятся у директора, – пояснила Зоя Матвеевна в ответ на мой во-

прос. – Деньги выдаются по письменному заявлению вместе с пропуском на выход в город.

Мда, строго тут! – Я шумно втянула носом воздух. – Полное ограничение свободы. Если даже и сбежишь по какой-то необходимости, то без денег и документов далеко не уйдешь.

Охрана опять же на каждом этаже, дежурные, как надсмотрщики, педагогический состав – сплошь в чинах и армейских званиях щеголяет. Успела заметить парочку служак, когда Савушкин устроил экскурсию по территории. Может, это оправданно, учитывая особый статус гимназии и потребность в специалистах, которых она выпускает. Воинский устав и субординация – эти знания в силу специфики будущей профессии должны осесть на подкорке и вбить в растущие умы важность дисциплины и строгого подчинения вышестоящему руководству. Однако...

Бунтарский дух не выбить строгими правилами! – я усмехнулась, когда, оставшись в одиночестве, вычислила парочку тайников.

Один – совершенно очевидный, крепился к днищу выдвижного ящика тумбочки. Бережно завернутые в хлопчатобумажный платочек, там хранились наличные средства в виде десяти рублей серебром и горсти медяков. Второй нашелся под кроватью, в щели между стыками, куда можно засунуть тоненький сверток, упакованный в оберточную бумагу. Внутри я обнаружила дарственную на деревню Демьяновку семи дворов и окрестные земли от Чертова оврага на запа-

де до колодного ручья на юго-востоке. Большие угодья, если судить по приложенной карте местности. С севера граница шла по речке Быстрице, а с южной – соседствовала с деревенькой Мельчановской, принадлежащей помещику Осокову. Другими словами, я владела сотней акров собственных земель, всю площадь которых занимали непроходимые леса. Умный помещик на таком же объеме пять деревень построит, земли распашет и будет жить припеваючи. А мои предки, видно, не тяготели к земледелию, предпочитали жить дарами леса и охотой. Неплохо жили, раз уж я при поступлении оплатила полный курс обучения. Расписка в получении наличных средств за подписью директора Савушкина прилагалась.

Изучив документы, я сложила их обратно в пакет и спрятала в тайник. Раз уж я предпочла держать бумаги при себе, а не сдать на хранение руководству гимназии, пусть так и остается. По крайней мере, подтвердились слова директора, что я – сирота, ведь дарственная на земли вступила в силу после смерти Трофима Николаевича Молчанова. Однако не такая уж и бедная, раз выложила двести золотых рублей за четыре года учебы на полном обеспечении. Сумма немалая, которую не каждому по карману собрать, в чем я убедилась позднее. А пока приняла эту информацию к сведению и дала себе зарок при ближайшей okazji навестить родные места.

Оглушительной трелью прозвенел звонок с урока, и буквально через минуту в комнату влетели три запыхавшиеся

девицы.

– Аська вернулась! – радостно воскликнула тоненькая, как тростиночка, брюнетка и кинулась обниматься.

– Ася, как ты? Пострадала? Тебя сильно задело? Страшно было? Мы тут извелись в переживаниях, – наперебой засыпали таким количеством вопросов, что в голове зазвенело от звонких голосов.

– Подождите! – Я отстранила девушек.

Ясно же, мы не первый год вместе. Значит, сдружились и, возможно, стали семьей. Но я их совершенно не помнила.

– Дело в том, что нам придется знакомиться заново. Я не знаю даже ваших имен. – Виновато поджала губы, наблюдая, как вытягиваются лица у девчонок.

– Совсем ничего? – уточнила круглолицая гимназистка с белой кожей и рыжими конопушками на переносице. – Я – Даша. Григорьева Дарья Игоревна, – назвалась полным именем.

– А я Мила, то есть, Людмила Алексеевна Реутова, – назвалась брюнетка.

– Марфа Ивановна Безродная, – завершила представление третья девушка, крупная и рослая, с темно-русой косой толщиной с запястье и грубоватыми чертами лица.

– Рада познакомиться. – Я нервно улыбнулась, не зная, что делать дальше и как смягчить возникшую паузу. – Буду благодарна, если поможете освоиться тут, а то я даже элементарных вещей не помню.

– Конечно! Не сомневайся! Обязательно поможем и подскажем, – заговорили соседки одновременно. – Ой! Обед же скоро, – опомнилась Дарья. – Необходимо переодеться и вымыть руки.

С переодеванием я быстро справилась. Только надела черный передник поверх платья и почистила обувь. Как меня предупредили, за неподобающий внешний вид Зоя Матвеевна могла три шкуры спустить.

– Это она с виду добренькая, – нажаловалась Мила, – а как хлестнет указкой по пальцам – мало не покажется.

– Разве так можно? Ну, бить гимназистов? – изумилась я. – Мы ведь не маленькие дети!

– Ха! – басовитым голосом поддакнула Марфа. – По мне, так лучше разок хлестнет, чем устроит общественное порицание. Позору потом не оберешься.

– Вот как? А Демид Иванович, как на эти вещи смотрит?

– А ему что? – хмыкнула Дарья и пожала плечами. – Главное, чтобы дисциплину соблюдали. За особые провинности и высесть могут. Розгами. Но я не припомню, чтобы кого-то так наказывали. А Зоя Матвеевна правильно Милке по рукам надавала, чтобы не садилась за стол с грязью под ногтями.

– Но я не успела! Сама же торопила: опаздываем! Давай скорее! – передразнила подругу Реутова.

Наблюдая за словесной перепалкой девчонок, я невольно улыбнулась. Веяло от всего этого чем-то знакомым, родным.

– Скажите, а меня часто наказывали?

– Тебя? – изумленно вытаращилась Дашка и рассмеялась, будто я что-то смешное спросила. – Никогда. Ты же отличница, пример для подражания, а нас к тебе на перевоспитание подселили.

– Ну, и как? Перевоспитались? – хмыкнула язвительно.

Внутри я не ощущала себя заучкой, да и соседки ко мне тепло относились, это чувствовалось за их неподдельной тревогой и искренним желанием помочь.

– Конечно! – не поняла иронии Дарья. – Марфа вон, по математике подтянулась и с черчением дела на лад пошли. Учитель похвалил даже за старание. А Милка наша в театральный кружок записалась, как ты и советовала. Теперь хоть не боится у доски отвечать.

– А ты?

– Что? Я? – Картинно уставилась девица, захлопав глазками. – У меня и так все хорошо! Нечего меня перевоспитывать. Хватит уже болтать. Идемте, а то к раздаче опоздаем, будем потом в последних рядах стоять.

Девушка первой выскочила в коридор, хлопнув дверью. Снаружи как раз слышались такие же хлопки и топот каблучков.

– Врет! – шепотом пояснила Милка. – С ней прежде никто вместе жить не хотел. Из-за кошмаров! – Я удивленно вытаращилась на брюнетку, и та со вздохом пояснила. – Кричала сильно по ночам, металась, спать никому не давала, вот ты и

забрала ее из жалости. Но Дашка гордая – ни за что не признается, что это ты помогла от кошмаров избавиться.

– Я? Каким образом? – удивилась.

В учебе подтянуть – одно дело, но справиться с ночными кошмарами – совершенно другое. Тут же специалист нужен, не то, что я.

– Вы идете или нет? – Как оказалось, Григорьева никуда не ушла и стояла под дверью, будто знала, что мы о ней разговариваем. На Милку зыркнула так, что та невольно съежилась и опустила глаза в пол.

– Да, конечно. – Улыбнулась дружелюбно. – Покажешь, где столовая? А то проголодалась так, что живот сводит.

– Разумеется. – Девушка кивнула и направилась к лестнице.

Мы пристроились следом, вливаясь в общий поток. Однако окончательно слиться с ним не получилось. Многие оглядывались на нас, перешептывались, а то и откровенно обсуждали мое возвращение. Нашлись и такие, кто смотрел враждебно. Неужели кому-то дорогу перешла? Когда только успела?

– Это кто? – украдкой спросила Милу насчет фигуристой девицы с иссиня-черными волосами.

– Полина Малевская, – шепотом ответила девушка. – У них с Глебом любовь была. Польша жутко его к тебе ревновала.

– Погоди, Глеб – это, который?

– Да! – подтвердила худшие опасения Реутова. – Погиб он, а накануне они крепко поссорились. Девочки говорят, Польша тебя винит в его смерти, а еще плачет ночами.

– Меня? Я тут при чем? Сама чудом выжила, – опешила от неожиданности.

– Тем и виновата, что вернулась, а он – нет. Полина так и сказала: лучше бы Аську сто раз убили, чем моего Глеба. Зоя Матвеевна, как услышала, тут же ее отругала и наказание назначила. Но ты же знаешь Польшу! Ой! То есть, теперь уже нет, – осеклась, вспомнив о моей проблеме. – В общем, держись от Малевской подальше, она не скоро успокоится.

Для меня не стало откровением, что в женской среде есть место конфликтам. Подспудно чего-то такого ожидала. Дух соперничества, столкновение характеров, гормоны и переходный возраст в жестких рамках правил и общественного мнения должны где-то находить выход. Меня удивляло собственное восприятие ситуации, характерное для взрослого человека, а не для молодой девицы.

– Аська! – Дарья двинула локтем в бок. – Глянь, к тебе Гончаров идет.

Я подняла глаза, рассматривая приближающегося молодого человека. Широкий в плечах, но по-юношески стройный, форма сидит идеально, в глазах светится упрямство и желание бросить вызов.

– Кто такой? – шепотом уточнила у девочек. – Что ему вдруг понадобилось?

– Из дворянчиков он, – успела шепнуть Милка. – Везде и во всем любит быть первым. Осторожнее с ним.

– Доброго дня, барышни, – поздоровался молодой человек, при этом глядя на меня и демонстративно не замечая остальных. – Как ваше самочувствие, Анастасия Трофимовна? Говорят, доктор Гельберг вас с того света вытащил? – проявил удивительную осведомленность.

– Доброго! – поздоровалась в ответ. – Приятно, что вы обеспокоены моим здоровьем, э... Олег Анатольевич. – Мила вовремя подсказала имя одноклассника. – Физические показатели в норме, иначе меня бы так быстро не выписали. Если это все, более вас не задерживаю.

По-хорошему, тут бы парню и уйти, но он ведь не за этим подошел. Мое здоровье, очевидно, интересовало его в последнюю очередь. К нашему столу гимназиста привело любопытство, жажду которого разделяли присутствующие в столовой ученики. Вокруг воцарилась гробовая тишина.

– Не все, Анастасия Трофимовна. Нас интересует, как погибли наши товарищи, – озвучил Гончаров истинную причину.

– И не только вам нужны подробности. – Я задумчиво пожевала нижнюю губу, решая, стоит ли во всеуслышание заявлять о проблеме с памятью. Пожалуй, не стоит, это личное и никого больше не касается. – Однако я не вправе отвечать на подобные вопросы. Если не согласны, обратитесь в Следственный комитет, занимающийся расследованием преступ-

ления, – пресекла возможные возражения на корню.

Нацепив натянутую улыбку, парень молча поклонился и отошел от стола.

– Почему ты не рассказала, что ничего не помнишь? – украдкой поинтересовалась Дарья.

– А он бы поверил? – Вопросительно вскинула бровь и обвела взглядом растерявшихся девчонок. – Вот и дальше пусть думает, что хочет. А вы помалкивайте, это же тайна следствия. Вам ли об этом не знать!

Глава 3

Остаток дня прошел в знакомстве с гимназией и учебным распорядком. Девочки охотно поделились конспектами, а я с изумлением поняла, что эта информации уже мной изучена. Стоило освежить знания, как я без труда порешала задачки, предназначенные для самостоятельного выполнения. Еще одна странность? Но какая полезная! Возможно, в прошлом у меня были хорошие учителя? В гимназию я поступила уже после смерти отца, но до этого ни в каких учебных заведениях не числилась. Специально уточнила у соседок по комнате, известно ли им что-нибудь об этом.

– Так, это неудивительно, – ответила Дарья. – В зажиточных семьях начальное образование дети получают на дому. Особенно, если ребенок одаренный родился, то сызмальства родовые секреты перенимает. Собственный маг в семье – это достаток и обеспеченная старость родителям, вот и стараются дать ему лучшее, да к дому покрепче привязать.

– А, если маг появился в бедной семье, которой неоткуда взять денег на образование?

– Таких отдают в специальные школы для одаренных, содержание которых оплачивается из имперской казны. – Девушка тяжело вздохнула. – Потом они на государственной службе обязаны определенное количество лет отработать, куда распределяют после окончания академии. Маги империи

необходимы, вот и создают для них условия, поддерживают. Даже такие недомаги, как мы, тоже стране нужны. Раз уж не можем полноценные заклинания творить, то приспособили для другого дела. Не пропадать же добру!

В интонации Григорьевой просквозили нотки горечи, подоплеку которых я сразу не поняла. Поэтому уточнила:

– Что ты имеешь в виду? В каком смысле, не пропадать?

– А в таком, что век видоков недолгий. – Девушка болезненно скривилась. – Никто заранее не знает, насколько тебя хватит. Может, пару месяцев на службе протянешь, или пару лет. Если выдержишь подольше, то либо сопьешься, либо превратишься в неврастеничку.

– Ого! – Я как стояла, так и присела. Чуть не упала, промахнувшись мимо кровати, успела схватиться руками за край и медленно сползла на пол. – Это отчего же такую незавидную судьбу пророчишь?

– Пророчу? – зло рассмеялась Дарья. – Вот уж ни разу такого не делала! Не дано мне в будущее заглядывать. Это не пророчество, а беспощадная статистика, о которой старательно умалчивают.

– Но почему?

– Потому что мы – недомаги, которым нет места среди магического сообщества. И среди обычных людей нормальной жизни нам тоже не видать. Мы видим и чувствуем больше, чем остальные, и это в итоге выделяет нас из толпы. А среди соседей обязательно найдется тот, кто донесет на тебя в

полицейскую Управу.

– С тобой так и произошло? – сообразила я, на что девушка только поджала губы и отвернулась, спрятав слезы застарелой обиды.

– Я в библиотеку! Заниматься. – Резко засобиравшись Дарья. – Кто со мной?

Я покачала головой, понимая, что и без библиотеки хватает информации, которую необходимо переварить и разложить по полочкам.

– Не могу, факультатив через десять минут. – Марфа как раз достала из сундука спортивную униформу, чтобы переодеться.

– А я иду на кружок, – радостно поделилась и Милка наивно захлопала глазками. – Сегодня новую постановку репетировать собирались. И у меня будет роль! Даже со словами.

– Какими? – фыркнула Григорьева. – «Господа, кушать подано?» – произнесла, кривляясь, с нарочито угодливым выражением лица. – Тоже мне – роль! Ты бы и так всю жизнь кому-нибудь прислуживала, и без дурацкой роли.

Милка от резкой отповеди съежилась и задрожала, как побитая собачонка.

– Даш! – Я строго посмотрела на соседку. – Не стоит вымещать злость на тех, кто не может ответить. Если тебе плохо или тяжело, поделись этим с теми, кто готов выслушать.

– Мне не нужна ваша жалость! – выпалила девушка и, подхватив учебник с вложенной в него тетрадкой, вылетела вон.

В комнате повисла напряженная тишина, нарушаемая тихими всхлипами Милки.

– Я это... тоже пойду. – Марфа в нерешительности замялась на пороге.

– Иди, конечно! – поддержала соседку. – Опаздывать и нарушать дисциплину ни к чему.

Когда за Марфой захлопнулась дверь, то я подошла к Миле, присела рядышком и обняла за плечи. Девчонка, шмыгнув носом, подалась ко мне в поисках утешения. Погладила бедняжку по голове, жалея, и даже поделилась носовым платком.

– Знаешь, я хоть и не помню прошлого, но считаю, Дарья на самом деле так не думает. Она специально тебя поддела и знала, какими словами побольнее ужалить. Но это не потому, что Дашка такая злая и испорченная, просто ей стократ хуже и больнее. Видно же, что не привыкла делиться проблемами, или ее не научили этому. Стала бы Дарья с такой гордостью рассказывать о твоих успехах сегодня днем? Вряд ли. Ей тяжело принимать чужую помощь, сложно довериться посторонним. Такое чувство, будто она только и ждет, что ее снова используют и выбросят за ненадобностью.

– Знаю, – плаксиво протянула Мила, – ты не раз это говорила.

Вот как? – Я удивилась, но внешне не подала виду. – Радовало, что сделала верные выводы о подругах.

– У Дашки отец душегубом был, разбойничал на дорогах.

За это его казнили, когда поймали, – бесхитростно выложила девушка. – Он семью в страхе держал, пил много, жену бил, детям тоже доставалось. Сначала никто не догадывался, чем глава семейства на хлеб зарабатывает. Но у Дашки дар рано открылся, она самая сильная из нас. Видела, чем родитель занимался, стоило тому ребенка на руки взять. Когда девочка подросла и заговорила, то стала болтать о незнакомых людях, которых жизни порешили. Соседи блаженной посчитали, что немудрено, раз отец дебошир и пьяница. Потом из села кто-то пропал, а Дашка возьми и расскажи, что с ним стало и где тело прикопано. Соседи не поверили сначала, но решили проверить на всякий случай и обнаружили все так, как девчонка рассказала. Отец ее как прознал, что скоро полиция нагрянет, разъярился, чуть не убил «ведьмовское отродье», да только мать на защиту кинулась и попала под удар. Так Дашка осиротела и оказалась изгоем. Других братьев-сестер сельчане по домам разобрали, а ее никто брать не захотел. Вот и угодила сначала в приют, а потом уже в гимназию для одаренных.

– И ты еще удивляешься, почему она так себя ведет! – хмыкнула, выслушав историю Григорьевой. – Жалость ей действительно не нужна, а вот друзья, которые никогда не предадут, очень даже. Беги на свою репетицию и сыграй так, чтобы в следующий раз тебе досталась главная роль.

– А у меня получится? – Доверчиво посмотрела полными слез глазами.

– Конечно! Даже не сомневайся! – заверила со всей убедительностью. – Собирайся скорее, а то на кружок опоздаешь. – Подтолкнула девушку к действиям, и она послушно помчалась в умывальню.

После того, как отправила Милку заниматься, задумалась над тем, что рассказали девчонки. У каждой за душой имелась трагическая история, но никто не строил иллюзий относительно будущего и не пытался что-либо изменить. Я не хочу для себя такой участи и не допущу ни одного из перечисленных Дашкой вариантов. Странно другое, почему я поступила в эту гимназию? У соседок, как и у большинства остальных учеников, не спрашивали, желают ли они тут учиться. Ученики здесь – сплошь выходцы из крестьянских семей, либо приютские, а тех, кто оплатил полный пансион, единицы. Однако же я выложила кругленькую сумму, и при этом давно изучила гимназическую программу. О чем это говорит? Что барышня Молчанова не так проста, как кажется на первый взгляд. Возможно ли, что за крепкими стенами гимназии я искала защиту?

Будущие видоки плохо поддаются чужому влиянию, хоть что-то полезное досталось вместо полноценных способностей. Отсюда вытекает постоянная муштра, как в военных казармах, и куча ограничений. Даже совместное проживание разнополых учеников под одной крышей идеально вписывается в картину. Ведь с большей вероятностью, что между парнями и девушками возникнет симпатия, когда они видят

друг друга, пересекаются в коридорах, столовой, на общих занятиях. Запреты только подстегивают интерес! В подростковом возрасте самое время влюбляться, а в дальнейшем, если пара состоится, от союза двух недомагов родится либо полноценный одаренный, либо такой же недомаг.

Подростку с особенностями легче принять себя в среде таких же необычных, как и он. Не каждый выдержит прессинга постоянных унижений от тех, кто считает себя другим и не выбивается за рамки нормальности. Мои соседки – тому яркий пример.

Если обобщить выводы, то я сознательно приняла решение о подаче документов в эту гимназию, выставляя напоказ способности, которые за четырнадцать лет наверняка научилась скрывать. А, если дело действительно обстоит так, не является ли моя амнезия способом сохранить тайну? За три с лишним года я заработала репутацию отличницы. Вряд ли бы мне понравилось, чтобы приложенные усилия пошли на-марку. Выходит, помимо трагической гибели гимназистов, во время недавнего происшествия случилось нечто такое, что поставило мой план под угрозу? Знала ли я, что делом заинтересуется Следственный комитет, и меня подвергнут ментальному допросу? Несомненно! Хотела бы я, чтобы господин Лутецкий узнал о моем прошлом, мыслях и желаниях? Вот уж точно – нет! Значит, передо мной стоит непростая задача: выяснить подробности нашумевшего убийства и при этом сохранить свою тайну.

На следующее утро я вместе с соседками отправилась в гимнастический зал. Бег, общеукрепляющие упражнения, растяжка – понятно теперь, откуда у меня физически крепкое тело. После разминки мы посетили душевую, сходили на завтрак и отправились на занятия. Преподавателя слушала краем уха, ведь он рассказывал то, что я уже знала. Чтобы хоть как-то занять себя, занялась изучением одноклассников. Двадцать семь человек учились в выпускном классе гимназии. Из них шестнадцать парней и одиннадцать девчонок. Такой перекося в сторону мужского пола наблюдался и в других классах. Особенно это бросалось в глаза в столовой, где девочек и мальчиков рассаживали отдельно.

В одинаковых форменных платьях с передниками, со строгими прическами и сосредоточенными лицами, одноклассницы были похожи друг на друга, словно сестры. И все же прослеживались сословные отличия через привитые в семье манеры, умение держаться на публике и вести разговор. Таких девушек немного, но на них, в первую очередь, обращаешь внимание. Та же Полина Малевская с царственной осанкой и гордой посадкой головы чего стоила. Схожими повадками обладали Лидия Крылова и Валентина Копаева. Немудрено, что на этой почве девчонки сблизились и всюду держались вместе. Хотя, вряд ли их отношения можно назвать приятельскими, как у нас, скорее союзническими. Оставшиеся пятеро девчонок теснились в одной комнате, но ничуть не роптали и были не в пример дружелюбнее занос-

чивых мещанок.

Откуда взялось такое неравномерное распределение? Как выяснилось, первый год в гимназии я прожила в одной комнате вместе с Малевской и компанией, но на втором курсе из-за ряда разногласий убедила директора расселить нас. Тогда же взяла шефство над Марфой и забрала к себе Дашку с ее кошмарами и неуживчивостью с другими соседками. Мила сейчас перешла на второй курс и демонстрировала успехи в учебе и освоении дара, а полгода назад ее едва не исключили, признав безнадежной. Из мальчишек только свита Гончарова – княжеского байстрюка задирала нос. Остальные ребята оказались вполне адекватными и общительными.

– Молчанову к директору! – прервал мои наблюдения дежурный по коридору.

– Разрешите выйти? – спросила дозволения у учителя и, получив таковое, собрала вещи и вышла из класса.

Что-то подсказывало, к концу урока не успею вернуться. Так и оказалось, когда у директора обнаружился Константин Зорин, видок из Следственного комитета.

– Добрый день! Вызывали, Демид Иванович? – постучавшись, заглянула в кабинет.

– Входи, Настенька! – разрешил Савушкин. – Вот, за тобой молодого человека прислали. Ты иди, соберись пока и спускайся к парадному входу. А я как раз пропуск оформлю, и мы с Его благородием подоспеем.

– Анастасия Трофимовна! – Молодой человек подскочил

при моем появлении и расплылся в улыбке. – Рад встрече! – Подошел поближе и приложился губами к моей ладошке, затянутой в перчатку. – Я же говорил, чаще видеться будем!

– А что случилось? По какому поводу вызывают в Следственный комитет? – Ничуть не повелась на любезности. Слишком еще свежи в памяти воспоминания о методах работы этого отдела.

– Важное начальство из Московии прибыло. Желают лично с вами встретиться, – пояснил видок.

– Вот как? – Я выдернула ладошку из цепких пальцев Зорина. – А что им нужно? Я же ничего не помню! – Насторожилась, подозревая, что кошмар с недавней проверкой мага разума повторится.

– Анастасия Трофимовна, будьте уверены, я не дам вас в обиду, – заверил директор. – Оттого и еду сопровождающим, хотя господину Зорину приказано только вас доставить.

– Все так серьезно?

– Более чем, – вздохнул Демид Иванович. – Дело-то громкое вышло, подозревают вмешательство темников... – осекшись, мужчина бросил опасливый взгляд на гостя.

– Сам великий князь Леви, канцлер российской империи желает с вами побеседовать, – охотно пояснил Константин Алексеевич. – Говорят, сильнейший маг разума в стране, да и за ее пределами тоже.

– О-о! – Я вмиг похолодела, а в животе образовалась предательская пустота.

В голове не укладывалось, что такому важному человеку понадобилось. А еще глубоко внутри грыз червячок сомнения, что канцлеру удастся то, что не получилось у разумника из Следственного комитета.

Пораженная до глубины души предстоящей встречей, я на ватных ногах поднялась к себе. Меняхватило только, чтобы кинуть сумку с учебниками на входе, доползти до кровати и рухнуть на нее, как подкошенной.

– Молчанова! – Спустя десять минут в комнате появилась Панфилова и всплеснула руками. – Ты почему до сих пор не готова? Живо собираться!

– Я... я не могу, – осознала отчетливо, что испытываю подспудный страх перед незнакомым князем.

– Та-ак! – Воспитательница тяжело выдохнула. – С чего это вдруг? А ну, прекращай блажить! И марш в умывальню!

Зоя Матвеевна подняла меня с кровати и отвела в соседнее помещение. Там набрала в тазик студеной воды и заставила поплескаться ей в лицо. Это помогло прийти в себя. Дальше я уже молча следовала командам женщины. Переплела косу, которую Панфилова помогла закрепить шпильками на затылке. Переоделась в парадную униформу, хранящуюся в сундуке. Натерла до блеска сапожки, перед тем, как надеть. Затем с воспитательницей спустились в гардеробную, где накинула пальто и закрепила на голове фуражку. Благодаря «правильной» прическе, теперь она не съезжала набок, а сидела, как влитая.

— Ну, вот и собрались, — женщина выдохнула с облегчением и отошла на пару шагов, чтобы полюбоваться работой. — Бледная ты слишком. — Приблизилась и пощипала меня за щеки, чтобы те налились румянцем. — Вот теперь другое дело! Можно ехать.

— Спасибо! — Вымученно улыбнулась.

— На здоровье! — Панфилова приобняла меня на прощание, при этом шепнула на ушко. — Не переживай сильно. Рядом с Демидом Ивановичем нечего бояться. Он за воспитанников горой стоять будет, невзирая на чины. Ну, посмотрит на тебя большое начальство, убедится, что ничего не помнишь, и уедет восвояси. Поверь, великий князь — тоже человек, хоть и наделен магической силой, и чрезвычайно занят государственным делами. Между прочим, у Его светлости безупречная репутация в обществе. Такой зазря обижать не станет.

А, если не зазря? Если мои тайны вдруг наружу всплывут? — Кольнуло неприятное сомнение, да так и засело в голове острой занозой. — Единственная надежда, что такому важному господину нет никакого дела до маленькой гимназистки из провинции.

На крылечко я вышла на подгибающихся ногах. Слова Панфиловой меня успокоили и умом я понимала, что этот визит лишь формальность или даже прихоть великого князя, пожелавшего лично разобраться в преступлении. Но я ничего не могла поделать с подспудным страхом разоблачения.

Быть может, так подсознание давало понять, что в прошлом есть нечто такое, о чем лучше никому не знать?

У паромобиля на подъездной дорожке меня поджидало трое: директор гимназии Савушкин, видок Зорин из Следственного комитета и Тарас Григорьевич Нахлебов – городской полицейской Управы и мой персональный охранник.

Поздоровавшись с угрюмым молчуном, я забралась в салон машины и вновь оказалась зажатой между мужчинами. Нет, места на диванчике хватало с избытком, но я бы предпочла место у окошка. Мне ничего не оставалось, как смотреть вперед и неизменно сталкиваться в зеркале с лукавым взглядом серо-зеленых глаз водителя.

Машина заехала во внутренний двор Дворянской полицейской Управы, проехав пару кварталов по главной улице. При желании, тут и пешком недалеко прогуляться, но начальству виднее. Я выбралась из паромобиля, воспользовавшись помощью Савушкина и, задрав голову, оценила высоту пожарной каланчи, являющейся частью архитектурного ансамбля. Пожарные команды были приписаны к каждой Управе, и на вызов их всегда сопровождали городовые или даже околоточные. Зорин провел нас внутрь двухэтажного здания через служебный вход и, усадив на скамью в коридоре, побежал докладывать начальству о нашем прибытии.

Я сложила руки на коленях, нервно перебирая пальцами в ожидании вызова. Мои сопровождающие выглядели на редкость невозмутимыми и чинно здоровались со знакомыми,

снующими мимо. Прибытие столичного гостя вызвало переполох в Управе, раз уж служащие носились, как наскипидаренные. Странно, что князь пожелал беседовать тут, а не в здании Следственного комитета на Девиченской.

– Гимназистка Молчанова? – Передо мной замер молодой человек в чине губернского секретаря.

– Да, это я...

– Пройдемте! Вас ожидают.

Я подскочила с места и вместе со мной поднялся Савушкин.

– Насчет вас распоряжений не было, Ваше высочорodie, – тоном, не терпящим возражений, заявил секретарь, и Демид Иванович вынужденно присел обратно.

– Не переживайте, я справлюсь, – приободрила директора, но, наверное, это я больше для себя сказала, ведь внутри вся дрожала от волнения.

Следуя за молодым человеком, я попала в приемную частного пристава. Там, на вешалке, оставила пальто и фуражку, а затем, после доклада секретаря, робко вошла в кабинет высокого начальства. Вопреки стереотипному образу почтенного господина, сложившемуся в голове за титулом великого князя и должностью канцлера, на кожаном диванчике я увидела моложавого темноволосого мужчину с приятной улыбкой и умным взглядом светло-карих глаз.

– А вот и барышня Молчанова пожаловала! – навстречу мне подался господин Лутецкий, также присутствующий в

кабинете. — Анастасия Трофимовна, имею честь представить вам нашего московского гостя, Его высокопревосходительство великого князя Алима Осиповича Леви-Зельмана, канцлера Российской империи.

Князь учтиво кивнул головой, рассматривая меня пытливым взглядом, а действительный статский советник продолжил знакомство и представил частного пристава Дворянской полицейской Управы коллежского асессора Коромыслова Виктора Андреевича. Хозяин кабинета как раз соответствовал моему представлению о начальстве. Рослый, широкоплечий, с небольшим животиком, заливчатскими усами и окладистой бородкой. Все это я отметила мельком, ответив на приветствие капитана учтивым поклоном и продолжая рассматривать князя. Одетый с иголочки, с безупречной осанкой и манерами, он источал особенную ауру власти, которая завораживала и притягивала магнитом.

— Присаживайтесь, барышня! Извольте чаю? — Меня пригласили присоединиться к чаепитию, устроенному на низком приставном столике.

— С удовольствием! — Согласилась, чтобы сгладить собственную нервозность, ведь от мужчины не укрылось мое пристальное внимание. И это только добавляло волнения.

На самом деле пить мне не хотелось, но так хоть ненадолго можно было отложить предстоящий разговор. Я опустилась на краешек кресла, любезно пододвинутое господином Лутецким, и сняла перчатки, в которых дамам не принято

сидеть за столом.

– Позвольте поухаживать за вами? – Великий князь взял чистую чашку, которую спешно подал секретарь, и налил дымящегося напитка из заварника. – Сахар?

– Лучше мед, пожалуйста, – ответила машинально, заметив на столике баночку с лакомством. – Одной ложки достаточно.

– Как скажете. – Нарочито неторопливо, чинно мужчина добавил чайную ложечку тягучего меда в напиток и слегка перемешал, затем пододвинул чашку ко мне. – Осторожнее, горячий. Чайник только вскипел перед вашим приходом.

– Благодарю! – Я потянулась к чашке и вздрогнула, нечаянно коснувшись князя, не успевшего вовремя убрать руку.

Мы схлестнулись взглядами, и меня будто молнией прошило, когда вдруг увидела беседу, предшествующую моему появлению. На самом деле ничего сверхъестественного: господа обсуждали жестокое убийство в доме купца Холзмана, а князь листал серую папку с надписью: «Личное дело Молчановой А.Т.». Я судорожно сглотнула, увидев эту папку на столе пристава, придавленную сверху пресс-папье.

– Простите, я случайно, – опомнившись, поспешила извиниться перед князем.

– Не нужно извинений, Анастасия Трофимовна. – Алим Осипович неотрывно смотрел мне прямо в глаза. – Вы что-то увидели?

– Я только... ничего такого. Господа рассказывали о де-

талях преступления, а вы листали папку. Вон ту, кажется. — Глазами указала на стол пристава.

— Вот как? — Черные брови канцлера взметнулись вверх от удивления. — Очень интересно, если взять во внимание, что ваши мысли от меня закрыты. Осталось понять, это врожденная особенность или она как-то связана с недавним происшествием.

— Что вы хотите этим сказать, Ваше высокопревосходительство? — уточнил Лутецкий.

— Лишь то, что сказал. — Мужчина пожал плечами. — Анастасия Трофимовна действительно может быть жертвой обстоятельств и потерять память, как она утверждает. Однако я не исключаю варианта, при котором амнезия — вымысел, а поведение девушки — искусная игра. — В голосе князя прорезалась жесткость, которую никак не ожидаешь встретить за столь мягким правильным обликом.

— Но я на самом деле ничего не помню! — Резкий контраст между приятным в общении человеком и его беспощадным вердиктом выбил из колеи. Да меня же теперь так замучают допросами в Следственном комитете, что я сознаюсь в чем угодно. — Как я могу это доказать? Я на все согласна!

— На все? — Великий князь ухмыльнулся и покачал головой. — Ну, что же, вы сами предложили. Степан Аверьянович, — не глядя, обратился к начальнику Следственного комитета, — а подготовьте нам сыворотку правды, пожалуйста.

Глава 4

Дрожащей рукой я отставила чашку с недопитым чаем. Все эти любезности и светские разговоры с людьми, которые походя решили мою судьбу, уже не привлекали.

– Что же вы, Анастасия Трофимовна, совсем ничего не выпили, – пожурил князь.

– Простите, но не хочется.

– Волнуетесь? – легко угадал мое состояние Алим Осипович. – Ну, это вы зря. Разве вам есть, что скрывать? Неужели за пару дней, как вы пришли в себя в больнице, случилось нечто такое, о чем нельзя рассказать? Или же вы все-таки вспомнили что-то из прошлого?

– А ведь вы правы! – С изумлением посмотрела на мужчину. – Мне нечего скрывать.

Разве что робкие выводы о прошлом, да о наличии тайников в комнате. Но разве же это преступление? Нарушение правил – пфф! И что мне сделают? Ну, влепят выговор или назначат отработку на кухне. Это ведь не принудительная блокировка дара, не тюрьма и не казнь. Переживу как-нибудь!

Сыворотку доставили уже через полчаса. В кабинет, постучавшись, без доклада вошел приземистый худощавый мужчина возрастом около пятидесяти лет. Крючковатый нос, впалые щеки, сушенная кожа с пигментными пятнами,

редкие волосы зачесаны набок, чтобы прикрыть залысину на макушке. На форменной одежде без лычек и воинских отличий прикреплен жетон мага четвертой категории. Оскаленная черепушка, вписанная в многоугольник, говорила, что перед нами одаренный довольно редкой специальности.

– Аким Фатеевич Безымянный, штатный некромант и патологоанатом городской больницы, – представил гостя господин Лутецкий.

– Доброго дня, господа и... дама, – поздоровался мужчина, вперившись в меня взглядом белесых глаз, цвет которых я затруднилась определить.

Казалось, у господина мага зрачки обозначены темной окантовкой и крохотными точками внутри, тогда как радужка сливается по цвету с белком. Жуть какая! Я невольно поежилась, когда мужчина приблизился и с поклоном поставил стеклянный пузырек с ядовито-желтой жидкостью на стол.

– Полагаю, это предназначено вам? – Без труда вычислил жертву, для которой понадобилась сыворотка правды.

– Верно. – Я нервно улыбнулась. – Что от меня потребуется?

– О! Не так уж и много. – Некромант хищно прищурился. – Всего лишь выпить содержимое этого флакона и ответить на вопросы, что задаст Его светлость. Позвольте, я добавлю сыворотку в чай? Он как нельзя лучше подходит, чтобы замаскировать неприятный вкус.

Разумеется, это спросили не у меня, а у старшего по зва-

нию и положению. Князь благосклонно кивнул и жестом разрешил провести необходимые манипуляции. Длинными пальцами с узловатыми суставами маг ловко поддел крышку флакона и опрокинул содержимое в чашку. Затем добавил еще меда и капнул пару капель лимона, выжав их из засахаренной дольки. Затем с его рук сорвался темный сгусток, от которого жидкость мгновенно нагрелась. Некромант тщательно перемешал содержимое, после чего пододвинул получившийся напиток ко мне.

– Прошу, барышня! До дна.

– Алим Осипович, мне пригласить секретаря, чтобы записал показания? – подал голос хозяин кабинета.

– Не стоит, Виктор Андреевич, лишние уши ни к чему, – отринул предложение великий князь. – Благодарю за помощь, Аким Фатеевич, вы свободны, – заодно избавился от некроманта.

Я заметила, как князь совершил несколько магических манипуляций, призванных защитить комнату от прослушиваний, и слегка успокоилась. Затем под одобрительным взглядом канцлера и выжидательными остальных мужчин пригубила напиток и заставила себя осушить содержимое чашки до конца. Утерев рот тыльной стороной ладони, что вызвало легкую усмешку Алима Осиповича, я уселась в кресле поудобнее и откинулась на спинку, ожидая, пока средство подействует. Как-то не до светских условностей сделалось, когда мою подноготную скоро вывернут наружу.

– Итак, Анастасия Трофимовна, поведайте-ка нам в подробностях, что помните о себе и об убийстве в доме купца Холзмана.

В затуманенную зельем голову проникли слова князя, и я вдруг отчетливо осознала, что желаю раскрыть все секреты. Выложить без утайки самое сокровенное, что бы он ни спросил. И я начала рассказ с того момента, как очнулась в больнице.

– Какие интересные вещи вы поведали. – Князь довольно усмехнулся, выслушав мои откровения. – Насчет снов мы еще побеседуем, а пока не прокатиться ли нам до места преступления, а, Виктор Андреевич?

– Сейчас организуем-с! – Засуетился пристав. – Не извольте беспокоиться.

Из здания Управы мы вышли через парадный вход, у которого поджидал паромобиль представительского класса. Да и то, название паромобиль прилипло по-старинке. Крупнейший уральский завод давно поставлял двигатели на основе сплава магии и технологий. А собирались такие машины на Филевском автомобильном заводе Руссо-Балт в Московском княжестве.

Размерами «Руссо-Балт Империял» значительно превосходил авто, на котором разъезжал Зорин, и внутри отделка натуральными материалами поражала воображение. Предпочтение отдавалось слоновой кости, из которой изготавливались ручки, и телячьей коже, выделанной таким образом, что

прикасаться к ней было особенно приятно. Встроенный бар и походный столик были выполнены из карельской березы, а на дверцах и передней панели, где находились приборы, я заметила вставки из малахита и яшмы. Последним штрихом стала подсветка салона магическими светильниками и приятная музыка, льющаяся из радиомагнитофона. Автомобиль двигался практически бесшумно, изредка сигналила, чтобы предупредить зазевавшихся прохожих об опасности.

Конечно же, находясь под воздействием сыворотки правды, я высказала восхищение нашим транспортом.

– Вам действительно нравится? – уточнил Алим Осипович, с легкой снисходительностью отнесшийся к моим наивным восторгам и охотно пояснивший, какие материалы были использованы в отделке.

– Это невероятное чудо! Девчонки в гимназии не поверят, когда расскажу. – Я поглаживала шелковистый на ощупь подлокотник, не в силах остановиться. – Вы, должно быть, счастливый человек?

– Отчего вы так решили? – Канцлер чуть подался вперед, отрываясь от блокнота, в котором попутно умудрялся что-то записывать.

– Ну, э... – Сыворотка еще действовала, так что я выложила, как на духу. – Вы молоды и привлекательны, занимаете столь высокое положение в обществе, что мне представить сложно. Да, это налагает обязательства, но ведь у вас наверняка есть помощники, на которых можно переложить обя-

занности. Вы вольны жить так, как заблагорассудится, в собственное удовольствие, наслаждаясь теми благами, что недоступны простым смертным.

– Какое наивное заблуждение! – Мужчина грустно улыбнулся. – Есть вещи, которые нельзя переложить на помощников, и на удовольствия у меня попросту нет времени. А те блага, которыми вы так восхищаетесь, всего лишь дань титулу и занимаемой должности. Да, они обеспечивают комфортом и составляют часть моей жизни, но такую незначительную, что я привык их не замечать.

Я хотела возразить князю, ведь желание сказать правду еще довлело над разумом, но этому помешал капитан Коромыслов, следующий за нами на служебном паромobile. Его в княжеское авто не пригласили, в отличие от меня. За разговором я не заметила, что мы уже подъехали к дому купца Холзмана. Удивилась только, почему машина остановилась.

– Великий князь, мы на месте! – Пристав лично распахнул дверцу представительского «Руссо-Балта», подобострастно выслуживаясь перед гостем. – Прошу следовать за мной.

Князь Леви вышел из салона первым и, как галантный кавалер, подал мне руку, помогая выбраться. Я не успела надеть перчатки и робко коснулась пальцами подставленной ладони. На этот раз ничего не увидела, будто маг воздвиг между нами стену. Возможно, в первый раз он был не готов? Или нарочно позволил увидеть прошлое, чтобы проверить в действии мои способности? Я бы порассуждала на эту тему

и с удовольствием послушала ответы князя. Однако вопросов мне не задавали, ситуация не располагала, поэтому я с большим трудом подавила желание откровенничать.

Дом купца Холзмана располагался на Базарной горе в самом начале улице, которая шла под уклон к реке. Деревянный одноэтажный дом с мезонином и резными наличниками на заколоченных окнах смотрелся зловеще. Казалось, смерть в отсутствие живых постояльцев принялась пожирать и само здание. Во всяком случае, атмосфера возле дома показалась мне мрачной. Вероятно, такое впечатление производили почерневшие от копоти стены?

Пожар случился в хозяйственной пристройке, куда мы попали, обогнув строение по узкой, вымощенной битым камнем дорожке. С обратной стороны дом пострадал сильнее. Прогорела несущая стена и обрушилась часть крыши.

Удивительно, как деревянная постройка не вспыхнула факелом? И соседние дома целы, на них огонь не перекинулся.

– Защитные амулеты! – ответил князь Леви, который слышал мое невнятное бормотание. – При такой плотной застройке – необходимая мера безопасности. – Мужчина обвел взглядом задний двор Холзманов, где линией раздела территории служили глухие стены чужих сараев и складов.

– Ну, да! – Закивала, как болванчик, забыв, что магия способна дом от пожара уберечь и даже хлипкое на вид строение превратить в нерушимую крепость.

Двор был утоптан казенными сапогами полицейских, по-

жарище разобрано, почерневшие обломки досок сложены штабелем в дальнем углу. Пространство внутри сгоревшего сарая расчищено, выставляя на обозрение закоптившуюся железную крышку люка в полу. Над ней грязно-коричневым куполом мерцал щит, защищающий место преступления от любопытных. Но не это привлекло мое внимание, а темное марево, грязной кляксой нависшее над местом гибели людей.

– Вы что-то заметили? – осторожно поинтересовался канцлер, предоставив мне время, чтобы осмотреться.

– Это случилось там? – Указала на люк и то, что он укрывал под собой.

– Отчего вы так решили? Подробностей дела вам нарочно не раскрывали.

Учитывая, что в больнице говорили о пожаре и убирали последствия отравления дымом, не трудно сделать выводы.

– Не знаю, как объяснить, но там чернота какая-то! – с трудом выдавила правду.

Почему-то не хотелось сознаваться, что вижу проявления магии. Сыворотка хоть и выветривалась, но противиться и не болтать лишнего я по-прежнему не могла.

– Та-ак! А вы не упоминали, что владеете магическим зрением, – зато князь Леви быстро сообразил, что к чему.

– А вы не спрашивали! – Я пожала плечами. – Откуда мне знать, что важно, а что нет?

– Но магия повсюду! Вы не могли этого не увидеть за те

дни, что провели в больнице и гимназии. Как так вышло, что вы даже не упомянули об этом? – Мужчина исполнился подозрительности.

– Э... возможно, потому что не нашла в этом умении ничего удивительного? Откуда мне знать, что остальные люди видят по-другому? Пока вы не заострили внимания, я и не считала это чем-то особенным.

– Поверьте, видеть магию дано не каждому одаренному. Маги годами тренируются, чтобы достичь успеха, – заверил Алим Осипович. – Как специалисту, вам цены не будет. Кстати, желаете попробовать свои силы?

– Сейчас? – Вот удивил! – Когда тут прошли десятки посторонних и затоптали следы?

– Я же не требую немедленного результата! Просто предлагаю варианты, способные подхлестнуть память.

– Ну, хорошо, я попробую, – пробурчала недовольно. – Только уберите защиту. Возможно, мне потребуется спуститься в... кстати, а что там, внизу?

– Вы мне скажите! – Князь усмехнулся и кивнул Коромыслову, чтобы занялся делом. Не самому же чужие плетения снимать!

Частный пристав тоже не привык руки марать работой. Зачем, если для этого имеется штатный маг?

Выдров Иннокентий Поликарпович имел представительный вид. Носил армейский мундир с лычками штабс-капитана и магическую бляху с огненным символом и цифрой три в

категории сил. На видоков и обывателей смотрел свысока, с пренебрежением и снисходительной жалостью к недочеловекам. Однако же придерживался чинопочитания и, как большинство, выслуживался перед вышестоящим начальством.

Маг с важным видом подошел к пожарищу и сначала раскинул сеть, определяющую наличие магических плетений. Затем присел на одно колено, стянул белую перчатку – обыкновенную, без защитных рун и опознавательных знаков, занес руку над защитой и замер. Я заметила, как купол задрожал под давлением силы и рассыпался, обдавая мага ошметками вложенной энергии. Львиная доля ушла в никуда, разлетевшись в стороны, а те остатки, что Выдров умудрился впитать, не стоили вложенных затрат. Но кто я такая, чтобы комментировать действия профессионала? Я лишь поблагодарила за труды, когда маг закончил и в довершении откинул крышку люка, открывая темный проход.

Со снятием защиты меня обдало запахом горелой гнили, которым потянуло из подвала. Приблизившись и заглянув в черное нутро, невольно поежилась, не испытывая никакого желания лезть в поганое место. Однако выбора мне не оставили. Маг, сообразивший, что я намерена спуститься, создал световой шарик. А рослый мужик, работающий дворником в Мещанском околотке и срочно вызванный, чтобы обеспечить доступ в арестованные помещения, притащил деревянную лестницу и опустил ее вниз.

Я огляделась, недоумевая, неужели придется идти одной?

Никто не горел желанием составить мне компанию. Мда, веяло от страшного черного провала какой-то жутью. И даже магический светильник не давал столько света, чтобы разглядеть, что же там творится внизу.

Ну, и подумаешь! – Я подхватила подол юбки и направилась к люку.

– Не бойтесь, барышня, – пробасил дворник, ухватившись за лестницу двумя руками. – Я удержу. Если что, кричите. Живо вытащу.

– Спасибо, э...

– Митрофаном меня кличут, – представился мужик, сообразив, чем вызвана моя заминка.

– Спасибо, Митрофан. Я справлюсь. Чего бояться, когда рядом столько защитников? – хмыкнула и обвела взглядом мужчин во дворе.

– Подождите-ка, Анастасия Трофимовна. – Князь будто опомнился, или же его задело мое пренебрежение во взгляде? – Я первый спущусь.

Ну, кто я такая, чтобы спорить с важным гостем? Посторонилась, пропуская мужчину к открытому провалу. Мельком заметила, как Коромыслов моментально вспотел. Если уж сам канцлер не побрезговал лично осмотреть место преступления, то уж частному приставу надлежало впереди бежать и дорогу показывать. Я сцедила смехок в кулак, представив, как пристав с солидным брюшком застрянет в узком люке, а мы будем с князем внизу сидеть и ждать, пока капи-

тан не похудеет или же его подчиненные не вызволят.

– Виктор Андреевич, не извольте беспокоиться, – оставил великий князь начальника Управы, когда тот принялся разоблачаться, передавая в руки секретаря каракулевое пальто и фуражку. – Мы только посмотрим, и сразу назад. Нет необходимости всем спускаться.

Алим Осипович также избавился от верхней одежды, оставшись в дорогом костюме и шарфе, замотанном вокруг шеи. Шофер «Руссо-Балта», служивший князю охранником, слугой и личным помощником, вовремя подскочил и забрал вещи. Мое пальто также перекочевало в руки княжеского помощника. Я проследила, как мужчина скрылся в темном провале, выждала минуту, чтобы не свалиться ему на голову, и полезла следом.

А ничего так, просторно оказалось в подвальном помещении, из которого за это время немного выветрился спертый запах. Купец устроил здесь кладовую. По стенам стояли закоптившиеся до черноты дубовые стеллажи с полками, усыпанными глиняными черепками.

– Масло, – пояснил Алим Осипович, когда я поинтересовалась, что же здесь хранилось. – Оно и загорелось, когда сарай подожгли.

В дальнем углу виднелся еще один проход, скрытый за ростовой бочкой. Сейчас о бочке напоминали только ржавые ободы с белеющими в угольной пыли бирками, используемыми при детальном описании места преступления.

Согнувшись вдвое, я полезла за князем в потайной ход, который покатыми ступенями полукруглой лестницы уводил под землю. Глубоко же купец зарылся! Узкий спуск совершил полный виток вокруг оси, когда проход внезапно расширился, открывая просторное помещение квадратов на двадцать пять. Массивные каменные колонны держали потолочный свод и ту тяжесть, что напирала сверху. Не ошибусь, если предположу, что зал расположен под помещьем. Или помещье нарочито построено над подземельем, из которого имелся еще один ход, закрытый на засов дубовой дверцей.

– А куда он ведет? – поинтересовалась у князя насчет второго выхода.

– Тянется под уклон по улице и выводит к укромному месту на берегу реки. Судя по характерным следам, ходом часто пользовались контрабандисты, а на реке товар грузили в лодку и вывозили по воде, – подсказал князь Леви.

Сам он приблизился к стене, у которой лежал плоский валун и вокруг пирамидой расставлены толстые свечи. Поверхность валуна плоская и вытянутая в длину. На нем достаточно места, чтобы уложить человека среднего роста. На самом камне видны зазубрины и бурые подтеки. Подойдя поближе я поняла, что в основание пирамиды лежат человеческие черепа, которые издалека не распознать из-за восковых наплывов.

– Что за мерзость? – Как раз над камнем сгустилась концентрированная маслянистая клякса, марево от которой рас-

ходило по потолку. С улицы я заметила лишь слабенький отголосок черной дряни.

– Алтарь для жертвоприношений. Штефан Холзман возомнил себя последователем ордена Тьмы, – с ненавистью бросил канцлер. – Двенадцать лет назад мы уничтожили тварь, отравляющую наш мир, но вот таких выродков, кто до сих пор совершает гнусные обряды, еще вылавливаем в разных уголках империи.

– И правильно делаете! Нельзя, чтобы нелюди и дальше зло творили. – Я присела на корточки возле камня, стянула перчатки и нерешительно коснулась леденящей поверхности.

Видения, одно страшнее другого, молнией пронзили сознание. Десятки замученных до смерти людей прошли через алтарь. Как вживую увидела почтенного вида седовласого мужчину, который самолично вершил казни и пытал тех, кому не повезло угодить ему в руки. Конкуренты, обидчики, нищие, бурлаки и отходники, приехавшие в город на заработки. В основном, одиночки, но попадались и семьи. Мужчин сразу отправляли на алтарь, а женщин и детей вывозили через потайной ход. Дальнейшую их судьбу страшно представить, потому что забирал пленников человек, перед которым сам Штефан Холзман гнул спину и пресмыкался. Единственное, что рассмотрела у второго преступника – ноги, обутые в юфтевые солдатские сапоги. Боль, страдания, безнадежное отчаяние – чужие эмоции захлестнули с такой

силой, будто бы я на себе испытала, что чувствовали несчастные жертвы. Я, как и они, хотела прекратить мучения, но не могла, не видела выхода.

Из жуткого видения, куда затягивало, как в трясины, меня вытащил князь. Я ощутила вдруг прикосновение горячих рук к плечам, а после голова закружилась от резкого рывка в сторону и вверх, к свету, к человеческому теплу.

– Анастасия Трофимовна! – Меня похлопали по щекам. – Настя! Очнитесь же! Все уже позади. Ничего этого не было. Ну, кто в здравом уме прикоснется к жертвенному алтарю, напитанному людскими страданиями? Чему вас только в гимназии учат? Так ведь и перегореть недолго!

– Простите, – пролепетала сквозь слезы, которые, оказывается, ручьями лились по щекам. – Я этого не знала. А, если и знала раньше, то забыла.

– Проклятье! Это я не уследил. – В голосе князя я разобрала досаду и сожаление. – Сам же вас сюда притащил. Вы как себя чувствуете? Идти сможете?

– Я? Идти? – Смахнув слезы, я осмотрелась, чтобы понять, на чем таком мягком устроилась. – Простите! – Как только поняла, что князь присел на каменной лавке и расположил меня на коленях, густо покраснела. Неудобно-то как! То есть, лежать удобно, тепло и уютно, но как это смотрится со стороны? – Я... Ох! Ваша светлость, как же это? Если нас увидят, подумают невесть что! – Я рванулась, чтобы встать, но меня мягко удержали на месте.

– Не увидят, потому что ни у кого духу не хватит сюда спуститься. Да и время еще не вышло, чтобы наверху забеспокоились. – Мягкая улыбка, теплый взгляд, прикосновения, от которых бросало в дрожь. На миг я поддалась очарованию князя, доверчиво глядя ему в глаза. Так хотелось поверить, будто между нами могла возникнуть симпатия или даже нечто большее. Но ведь это слишком невероятно, чтобы быть правдой. – Вам же, наверное, неприятно нянчиться со мной? Я в порядке уже, правда. – От волнения у меня в горле пересохло и слова вырывались шепотом.

Возраст канцлера приближался к сорока годам, но я бы не дала ему больше тридцати. Только складка на переносице и первые морщинки у глаз выдавали, что он старше, чем выглядит. Еще меня удивило отсутствие щетины, кожа была гладкой и чистой, без покраснений или пигментных пятен. И волосы без единого намека на седину.

– Ничуть! – Алим Осипович опроверг сомнения искренней улыбкой, от которой екнуло мое бедное сердечко. – Ни один мужчина не скажет, что ему неприятно держать в объятиях красивую молодую девушку.

Кажется, у меня даже кончики ушей запылали от смущения. Он правда считает меня красивой? Впрочем, чего это я уши развесила? Кто я, и кто он? Канцер женат, поэтому никаких больше намеков, иначе – прощай репутация.

– И все равно, это неправильно. – Я с сожалением отстранилась и переместилась с таких удобных и теплых коленей

на холодную скамеечку. – Хотя бы потому, что подобное поведение бросит тень на вашу супругу. А я бы не хотела разрушать чужое счастье.

– Вы правы, Анастасия Трофимовна! – При упоминании супруги, князь стал грустным, подобрался весь и вновь стал тем отстраненно-холодным чужаком, каким был недавно. – Прошу прощения за вольность, я не имел намерений задеть вашу честь или оскорбить. Просто хотел отвлечь от тех видений, что обрушились на вас. Вы ведь увидели что-то?

– Да, – ответила еле слышно, на выдохе, осознавая, как глупо я размышляла, когда всему есть рациональное объяснение. – Столько смертей, страданий – это ужасно. Купец на протяжении долгих лет губил жизни. Как же вышло, что его обнаружили?

– Домработница на него работала приходящая, Лукерья Огурцова. Вот она и нашла тело хозяина, когда пришла в прошлый четверг прибираться. Жена у Штефана семь лет, как умерла, детей нет. Проживал купец один, питался в трактире через дорогу. В первых помощниках у него Фрол Кузьмичев ходил, и десяток местных забулдыг батрачили. В доме Холзман наличных не держал, однако же доходы от продажи масла имел неплохие. Банкам не доверял, прятал деньги в кубышку. Вот ее убийцы и искали сначала в доме, а после в сарае, где хозяин товар держал. Нашли они заначку или нет – пока остается тайной, но очевидно, что поделщики не поделили добычу и передрались. На первый взгляд, картина

преступления проще некуда: работники заимели зуб на хозяина и напали на него, подкараулив в доме. На теле купца найдены следы пыток, так что, возможно, перед смертью он сказал, где спрятал деньги. А дальше кто-то решил, что одному завладеть добром лучше, чем делить его на пятерых, и порешил остальных. Судя по тому, что первого помощника мы так и не нашли, он и есть главный подозреваемый.

– Но все получилось, куда сложнее. – Я тяжело вздохнула и обвела взглядом помещение.

Невольно вздрогнула, зацепившись глазами за черную кляксу над камнем и мутную дымку, что расползалась по помещению. На миг привиделось, что в клубящейся черноте проступают силуэты жертв. Но я крепко зажмурилась и встряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения. Вроде помогло.

– Да, Анастасия Трофимовна, – подтвердил князь Леви. – Дело показалось настолько простым, что на него отправили сразу трех стажеров-видоков, чтобы они отработали навыки взаимодействия в команде.

– А мы нашли вход в подземелье, – закончила фразу, уже догадываясь, что произошло. – И столкнулись тут с убийцей, который избавился от свидетелей и поджег сарай, чтобы уничтожить улики.

– Да. – Канцлер тяжело вздохнул. – Мне только одно непонятно. Если группа спустилась сюда в полном составе, вместе со следователем и околоточным, и погибла, попав под

ментальный удар, как вам удалось выбраться?

Глава 5

Я уже приблизилась к квадратному проему, где виднелся кусочек неба, когда остановилась и развернулась к мужчине.

– Что вы хотите этим сказать? – удивилась резкой смене тона и моментально воздвигнутой стене недоверия.

Или никакого доверия и не было на самом деле? Ну, да! Это ведь я откровенничала и повелась на комплименты, а князь только слушал, анализировал и делал выводы. Стало так грустно и обидно отчего-то.

– Только то, что сказал. Обратите внимание, что второй выход из подземелья закрыт изнутри на засов.

– А что тут такого? – Посмотрела на мужчину с недоумением. – Его же осматривали дознаватели, вот и закрыли, чтобы никто посторонний не забрался.

– Верно! Но я попросил, чтобы тут ничего не трогали и оставили в прежнем виде. А это означает, что сотрудники Управы, первыми прибывшие на происшествие, застали ту же самую картину. Как видите, пожар сюда не добрался. И это благодаря тому, что дверь над лестницей тоже была закрыта. В то же время, по показаниям гражданки Огурцовой, обнаружившей убитых батраков, в подвале валялись битые бутылки и пахло алкоголем. Достаточно искры, чтобы запалить все, а дальше пламя перекинулось на бочки с маслом. Между прочим, только усилиями магов удалось сдержать по-

жар.

– А я... где меня нашли?

– В доме, вы лежали у выхода, потеряли сознание, наглотавшись дыма, – ответил князь, пристально отслеживая мою реакцию. – И вот, что получается: ментальный удар вы получили наравне с остальными членами группы. Это означает, что в момент нападения вы находились поблизости. Вам удалось каким-то образом пережить то, что моментально убило ваших товарищей. Допустим, в силу врожденных способностей. Но в любом случае, это болезненно. Уж поверьте моему опыту, человек может быть ошеломлен и дезориентирован, лишен способности трезво соображать. Однако вы выбрались наружу до пожара или в момент, когда он только начинался, пересекли двор, зашли в дом и уже там потеряли сознание.

– Что вы на меня так смотрите? – насупилась. – Я не помню. Наверное, все так и было.

– С вероятностью девяносто девять процентов. – Алим Осипович кивнул. – Однако тут непонятно другое. Я не зря обратил внимание, что второй ход заперт изнутри. Это означает, что убийца ушел из подземелья тем же способом, что и вы. Так, почему же он вас пощадил?

– Пощадил? – вытаращилась изумленно.

– Никто в здравом уме не станет оставлять живого свидетеля, способного навести на след.

– Возможно, преступник спешил и не убедился, что я

умерла? Ушел, замата следы, а я, очнувшись, отправила за помощью?

На это князь ничего не ответил, а молча поднялся и пошел к выходу. Мне ничего не оставалось, как отправиться следом. У лестничного пролета мужчина остановился, пропуская меня вперед. Я на мгновение замешкалась и завертела головой в поисках светового шарика. Но он то ли исчез, выработав заложенный резерв, то ли князь нарочно притушил свет, чтобы устроить проверку.

Так и есть, – обернувшись, я поняла, что канцлер не собирается помогать, не намерен идти вперед или же облегчить подъем иным способом. – Ну, и ладно! Если уж выбралась отсюда, раненая и оглушенная ментальным ударом, то и сейчас справлюсь.

Подумаешь! – хмыкнув, гордо вскинула голову и углубилась в проем, осторожно нащупывая ногой ступени и придерживаясь стен руками, чтобы не упасть.

За десять минут в крошечной тьме я умудрилась преодолеть весь путь и застыть перед низкой дверцей, ведущей в погреб. Сзади я слышала легкую поступь князя, поэтому никакого страха не испытывала. Осталось только понять, как открыть дурацкую дверь, и я на свободе. Однако никаких ручек, замочных скважин или чего-то подобного не нащупала, как ни старалась.

– Не понимаю, как открыть? – сдавшись, обратилась за помощью к мужчине.

– А что тут непонятного? – раздался самодовольный смешок за спиной. – Здесь потайной механизм предусмотрен, без знания о котором ни за что не выбраться наружу.

Надо мной вдруг вспыхнул световой шарик, зажженный канцлером, и я невольно отшатнулась.

– Простите, не хотел напугать. Зато вы убедились, что не выбрались бы, если вам не позволили бы этого сделать.

Великий князь пошарил рукой по стене, при этом вплотную прижавшись ко мне и обдавая дыханием макушку. У меня сердце заколотилось от столь интимной близости и головокружительного запаха дорогого парфюма. С трудом подавила желание прижаться к мужчине в ответ и доверчиво прильнуть к груди. Откуда, вообще, оно взялось, это желание? Ясно же, между нами ничего не может быть, поэтому нельзя даже в мыслях допускать подобного. Механизм на двери сработал с легким скрежетом, и массивное полотно подалось наружу.

Да уж, нагляднее не придумаешь! Если преступник упустил из виду, что я уцелела после удара, то ушел бы и непременно запер дверь. В таком случае, я ни за что не успела бы разобраться с запорным механизмом и выбраться до того момента, как пожар отрезал путь наружу. Или же, убийца нарочно оставил меня в живых и вывел на поверхность. Но зачем? Что ему от меня понадобилось? Быть может, мы были знакомы? Или того хуже, сговорились?

Мда, учитывая, в каком состоянии очнулась в больнице,

вряд ли я проделала путь самостоятельно. Быть может, я не так сильно пострадала, как об этом говорят? Но доктор Гельберг сутки боролся за мою жизнь. Что же тут произошло? Вопросов у меня прибавилось больше, чем возникло изначально. Теперь понятен такой пристальный интерес следователей. И недоверие, и те меры, что они предприняли, выясняя правду. Жаль только, что мы ни на шаг не приблизились к разгадке. Я развернулась к князю и, стараясь не думать, что практически оказалась в мужских объятиях, произнесла с жаром:

– Я не верю, что бросила бы своих друзей, пусть даже и мертвых, без веской причины. Не верю, что причастна к преступлениям, которые тут совершались. У меня нет объяснений тому, что я осталась жива. Но я клянусь, что не успокоюсь, пока не разгадаю тайну и не найду убийцу! Вы можете располагать мной и рассчитывать на активное участие в поисках. Вы ведь сильнейший маг разума. Прошу, помогите вспомнить!

– Рад, что вы готовы сотрудничать. – Канцлер степенно кивнул, принимая мою горячую речь как должное. – И, конечно, помогу восстановить память. Тем более, я давно не встречал такого любопытного случая.

– Любопытного? – У меня в недоумении взметнулись вверх брови.

Немного обидно узнать, что для кого-то ты лишь «любопытный случай».

– У вас уникальная защита разума. Именно защита, а не врожденная устойчивость к ментальному воздействию, – пояснил князь.

– А как вы? – осеклась, сообразив, когда мужчина сумел рассмотреть особенности.

Князь воспользовался моментом, когда меня ошеломило видениями у жертвенного алтаря. И все эти его заигрывания, деликатные объятия и показательная забота сначала – лишь способ подобраться поближе, пролезть в мысли и убедиться, не преступница ли я.

– Рада, что сумела заинтересовать такого занятого и важного человека, как вы, Ваша светлость. – Отступила на шаг и сделала книксен, склонив голову и спрятав пылающий негодованием взгляд.

– Все в порядке, Ваше высокопревосходительство? – услышав наши голоса, над проемом возникло взволнованное лицо Коромыслова.

– Да, Виктор Андреевич, – отозвался князь. – Мы уже закончили. Прошу, Анастасия Трофимовна, – предложил мне первой подняться.

– Ну, что вы! Только после вас! – хмыкнула язвительно.

– Анастасия Трофимовна! – цокнув языком, мужчина покачал головой. – Вы же сами высказали желание сотрудничать со следствием и просили помощи с восстановлением памяти. Неужели так важно, что я немного опередил события и воспользовался подходящим моментом? Поверьте, чтобы

звести вас в состояние полной расслабленности, пришлось бы затратить куда больше усилий. Не злитесь, вам это не идет.

– Простите! – в который раз пробормотала я, понимая, что князь снова прав.

В его глазах я выгляжу неуравновешенной барышней, у которой настроение меняется каждые пять минут. Ринувшись к лестнице, я ловко забралась наверх, где меня подхватили за руки и вытянули наружу, поставив на землю. Пробормотав слова благодарности, я приняла из рук княжеского помощника пальто. Пока одевалась, попутно отряхивая невесть как прицепившуюся паутину, обдумывала внезапную мысль. В момент, когда меня доставали из погреба, на доли секунды глаза оказались на уровне ног присутствующих полицейских, так что невольно обратила внимание на их обувь. Сапоги! Похожие я видела на том человеке, с которым общался купец.

– Алим Осипович, я вспомнила! – бросилась к князю, самостоятельно выбравшемуся на поверхность.

По тому, как на меня вытаращились присутствующие, я поняла, что ляпнула лишнего. Во-первых, воспоминание относилось к свежему видению. А, во-вторых, если подельник душегуба носил армейские сапоги, то, кто знает, не находил-ся ли он сейчас среди присутствующих? Тут у всех одинаковая обувь, фасон тот же самый.

– Что именно вспомнили? – Князь ничуть не обманулся

моим радостным воплем.

А еще ему не нужно лезть в голову, чтобы прочитать мысли. Я растерянно огляделась, понимая, что ни слова не скажу в присутствии посторонних. Хотя, как раз посторонних здесь не было.

– Это касается личности жертв. Из моего видения у алтаря. Я думаю, что сумею опознать некоторых. Или же рассказать о приметах, чтобы свериться со списком пропавших, – придумав на ходу правдоподобное оправдание, я перевела дух.

Однако же канцлер сообразил, что я недоговорила, поэтому снова предложил составить ему компанию по дороге в Управу. Сам Коромыслов сопровождал меня до автомобиля князя, сгорая от нетерпения поскорее услышать подробности. Однако ему вновь не предложили места в машине, и он был вынужден сесть в служебный паромобиль.

– Так, что же вы вспомнили на самом деле, Анастасия Трофимовна? Информацию о жертвах вы, несомненно, изложите в отчете. Но есть что-то еще? Вы видели подельника Холзмана? Поэтому испугались?

– Можно сказать и так. – Я бросила опасливый взгляд на водителя, и Алим Осипович, сделав правильный вывод, опустил перегородку, отделяющую салон звуконепроницаемым барьером. – Я видела, как Штефан Холзман делал нехорошие вещи. Это плохой человек и, без сомнений, виновен в преступлениях, в которых его обвиняют. Однако он действо-

вал не один. Был еще кто-то, кого купец боялся до дрожи в коленях. Пресмыкался и опасался голову поднять в его присутствии. И этот кто-то носил армейские сапоги. Хорошей выделки, как у высших чинов, всегда чистые и ухоженные.

– Вы поэтому испугались? Подумали, что убийца поблизости? – Шумно втянув носом воздух, канцлер погрузился в задумчивое состояние. – Значит, наш монстр высоко забрался. А это сложно, учитывая регулярные проверки личного состава у магов разума и принесение клятвы при вступлении в должность. Прибавим к этому, что наш таинственный убийца одаренный, и круг подозреваемых сужается. Он должен быть хитрым, самоуверенным и чрезвычайно изворотливым. И последнее: этот человек входит в круг ваших случайных знакомых.

– Знакомых? – Вот так новость! – У меня их не так много, конечно, но это не повод, чтобы заводить дружбу с убийцей.

– Хм, вы меня не так поняли. Анастасия Трофимовна, на последнем году обучения, как и остальные выпускники, вы стали часто посещать Управу. Одних городских к ней приписано тридцать семь человек. Неужели с каждым знакомы лично? Тем не менее вы, будущие видоки, находитесь под пристальным вниманием. Вас изучают, за вами присматривают и о вас знает гораздо больше народу, чем вы можете представить.

– И что же мне теперь делать?

– Вам – ничего! – Канцлер пожал плечами. – Расследова-

нием займется Следственный комитет. А вы дадите показания и отправитесь в гимназию. Ваша задача – хорошо учиться. С таким сильным даром и устойчивой психикой вы достигнете больших высот. Империи нужны грамотные специалисты.

Я молча кивнула и уставилась в окно. Князь ни словом не обмолвился, каким способом поможет восстановить память. Это не значит, что он забыл об обещании, но вряд ли гимназистка Молчанова входит в первую десятку его важных дел.

В Управе мне выделили стол, обеспечили бумагой и бланками отчетности. Такие заполняют видоки на практике и, наверное, я уже не раз это делала. Но тут пришлось приложить усилия, чтобы отстраненно описать те ужасы, что творились в подвалах купеческого дома. С бумагами управилась за пару часов с небольшим перерывом, во время которого меня угостили чаем с бутербродами.

Если честно, кусок в горло не лез, заставила себя есть через силу. В гимназии нас учили отстраняться от видений, выплескивать пережитую боль на бумагу и тем самым избавляться от негатива. Так легче справляться с последствиями и не заикливаться на человеческих трагедиях. Это самая тяжелая часть нашей профессии – жить дальше и помнить гибель сотен незнакомых людей. Говорят, от таких воспоминаний избавляют маги разума. Однако видоки плохо поддаются ментальному воздействию, и с каждым разом погасить негативные воспоминания становится сложнее.

После отчета я ознакомилась со списком пропавших, среди которых нашлись жертвы Холзмана. Горестное это дело – опознание жертв, когда понимаешь, что неумолимые факты лишают последней надежды найти человека живым. По большому счету в век магии и технологий разыскать пропавшего не так уж и сложно. Достаточно вещи или капли крови, чтобы маг-ищейка взял след. Тот же Выдров в этом деле – первоклассный специалист, каким бы заносчивым снобом не казался со стороны. На его счету сотни предотвращенных преступлений и десятки спасенных жизней. Видоки же работают, когда несчастье уже случилось, а преступник скрылся, заматаывая следы. И ведь знают убийцы, что на поиски империя бросит лучшие кадры и рано или поздно их поймают, а все равно преступают закон.

Канцлера я больше не видела. Он отправился в Следственный комитет вместе с Лутецким Степаном Аверьяновичем. На прощание, Алим Осипович рекомендовал приглядываться к обуви тех сотрудников, кто входил в мой круг общения.

– Но они же одинаковые! Сапоги, в смысле.

– Так, да не так! – Мужчина покачал головой. – Есть нюансы, на которые стоит обратить внимание. Например, у низкорослых людей сапоги на голени присборены в складку, а у обладателей высокого роста – нет. У худощавых офицеров штанины свободно заправлены, а у крепышей впритык. Опять же, расслабляясь, человек принимает позу, к которой при-

вык. Расстояние между стопами будет разное, расположение по отношению друг к другу – тоже. Так что смотрите, наблюдайте и сообщайте мне лично или капитану Коромыслову, если вдруг заметите сходство.

– А ведь, и правда! – В восхищении посмотрела на князя, невольно подмечая лукавые искорки в его глазах. – Нас в гимназии постоянно учат обращать внимание на детали, но вы это так понятно и доступно объяснили. Я ведь до этого момента даже не задумалась бы над такими нюансами. Получается, что подозреваемый высокий и худощавый. – Я прикрыла глаза, вызывая в памяти момент, когда Холзман кланялся хозяину. – Стоит уверенно, широко расставив ноги. Вот, как вы, в точности. Но у вас темно-серое сукно брюк и покррой отличается. А еще носки сапог внутрь смотрят, что говорит о косолапой походке, которую вы безуспешно пытаетесь исправить. Ой! – Прикрыла рот рукой. – Простите, я не хотела обидеть.

– Да, ничего, Анастасия Трофимовна. – Канцлер по-доброму усмехнулся. – Вы верно подметили насчет походки. Не на что тут обижаться. К тому же отрадно, что вы так быстро учитесь.

В гимназию я возвращалась в сопровождении угрюмого молчуна Нахлебова. Савушкина предупредили, что надолго задержусь, так что он уехал гораздо раньше. Пользуясь отсутствием начальства, Зорин заливался соловьем.

– Настенька, позволишь тебя так называть? – Парень ми-

моходом перешел на «ты». – Правда, что ты рискнула к жертвенному алтарю прикоснуться? Это же опасно! Правилами видакам запрещено иметь дело с культовыми предметами Ордена тьмы. И эти правила неспроста придуманы, они оплачены жизнями таких же, как мы. Это же еще на первом курсе вдалбливают в умы учеников.

– Но я этого не помнила, а Алим Осипович не успел меня остановить. Так уж получилось. – Я стала грустной под гнетом воспоминаний.

– Простите, я виноват, что напомнил, – спохватился Зорин. – Позвольте загладить вину? Тут по пути есть замечательная кофейня. Заглянем на полчасика? Там готовят бесподобные кремовые пирожные и подают горячий шоколад.

– Не велено! – пробурчал мой охранник. – Приказано барышню Молчанову прямым ходом в гимназию доставить.

– Да, полно тебе, Тарас Григорьевич! Настенька столько пережила сегодня, неужели не заслужила поощрения? Не вижу в этом ничего предосудительного. Что ей сделается под нашим присмотром? Я ж от чистого сердца предлагаю.

– Ну, я не знаю. – Растерялась, ведь прежде меня никуда не приглашали, наверное. А, если и приглашали, то я этого не помнила. К тому же, так заманчиво звучало: «кремовые пирожные и горячий шоколад».

– Если Тарас Григорьевич не против, то я бы приняла предложение. Мне кажется, прежде я никогда не пробовала пирожные. – Посмотрела на мужчину умоляющим взглядом.

– Двадцать минут! – смиростивился Нахлебов. – И я укажу в отчете, что остановка вызвана естественной надобностью.

– Разумеется! – Водитель просиял улыбкой и заложил левой поворот, подъезжая к зданию на противоположной стороне улицы.

Внутри оказалось мило. При нашем появлении, навстречу поспешил хозяин заведения. Выяснив, чего желают уважаемые господа, провел нас внутрь. Верхнюю одежду мы оставили на входе и расположились за круглым столиком у панорамного окна. Уже через пару минут расторопная подавальщица принесла горячий заварник, а передо мной поставила чашку с дымящимся шоколадным напитком, источающим бесподобные ароматы. Не удержалась, чтобы тут же, обжигаясь, попробовать лакомство. Потрясающая вещь! Затем подали блюдо с пирожными. Я даже растерялась, какое из двух десятков попробовать в первую очередь. С выбором помог Константин, любезно положив на тарелочку самые вкусные, по его мнению, пирожные.

А я, как выяснилось, жуткая сладкоежка! Шоколад удивительно поднимает настроение и придает сил. А, если еще и компания приятная подбирается, то горести и невзгоды невольно забываются, заставляя поверить, что в мире полно хороших вещей.

Костя знал множество смешных историй и сумел расшевелить даже угрюмого Тараса Григорьевича. И я задорно смея-

лась, слушая забавные случаи из жизни молодого человека и его знакомых. Зорин – определенно душа компании, весельчак и балагур. Благодаря ему я отвлеклась от грустных мыслей и вернулась в гимназию в благоприятном расположении духа.

Девочки насели с расспросами, но я сослалась на соблюдение тайны, чтобы не огорчать их ненужными подробностями преступления. Зато о визите в кофейню и улыбчивом пареньке пришлось два раза пересказывать, припоминая его смешные истории.

Глава 6

Следующие две недели прошли в учебе и сдаче промежуточных зачетов. Из Управы меня не беспокоили, никуда не вызывали, так что я со спокойной совестью посвятила время изучению позабытого материала и освоению нового. Знания и впрямь давались легко. Читая учебники и свои же конспекты, я с жадностью заполняла пробелы. Прошрое, увы, по-прежнему оставалось чистым листом.

И я уже раздумывала над тем, чтобы наведаться в родные места, как по империи разнеслась добрая весть о рождении принцессы Татьяны у императорской четы. После трех мальчишек цесаревича Петра Ивановича, принцев Владимира и Ивана Бельских, появление дочери – стало долгожданным событием, в честь которого следующие три дня объявили выходными и устроили праздничные гулянья. На центральных площадях в каждом уголке империи прямо на улицах накрывали столы и желающим наливали по чарке за здоровье императрицы и новорожденной. Не знаю, что больше взбудоражило гимназистов, новость о внеплановых каникулах или же радость за прибавление в императорской семье?

В народе императрицу Нину Константиновну любили и называли Заступницей. Еще в юном возрасте она помогла раскрыть заговор ордена Тьмы и уничтожила тварь, веками питавшуюся людскими жизнями и страданиями. Нина

Константиновна одна удержала щит и спасла столицу от разрушений. И это в шестнадцать лет! А перед этим сумела собрать остатки прежде уничтоженного рода и отомстила убийцам, виновным в смерти родителей. Для сотен будущих магов Ее величество стала кумиром и примером для подражания.

После пышной свадьбы и восхождения на престол императрица не спешила предаваться балам и развлечениям, как это свойственно девушкам благородного происхождения. Наоборот, Нина Константиновна направила все силы на улучшение жизни простого народа. Повсеместно строились больницы и школы, где беднякам оказывалась бесплатная помощь. У кого имелись деньги, те могли себе позволить услуги целителя, а вот простолюдинам такая роскошь долгое время была недоступна.

Также императрица раз в неделю посещает городскую больницу, где бесплатно лечит и ставит на ноги тяжелобольных. Своим примером она побуждает других магов к милосердию и благотворительности. Одаренные аристократы раз в месяц безвозмездно наполняют магические накопители и заряжают амулеты в ближайших общественных заведениях или занимаются обустройством дорог. Благодаря этому ночью в городах и поселениях улицы освещены магическими фонарями. В приютах, казенных школах и гимназиях сухо и тепло, а княжества, села и деревеньки соединяют ровные дороги. За состоянием трактов следит Дорожное министер-

ство, которое чутко реагирует на жалобы и наказывает нерадивых хозяев, вовремя не воспользовавшихся услугами магов земли.

Правящий император ничуть не уступает супруге по силе воли, стойкости характера и полезным для страны нововведениям. Например, для магов неблагородного происхождения указом Его величества разрешено прохождение инициации в Егорьевском храме семи стихий, а для жителей северных областей – в Алапаевских источниках близ Левино – зимней резиденции императорской четы.

Не без участия Ее величества пересмотрели правила обучения и трудоустройства будущих видоков. Высокое жалование, услуги магов разума, ежегодный отпуск, ранний выход на пенсию, льготы и бесплатное жилье – все это предоставлялось работникам благодаря Нине Константиновне. Немудрено, что подростки с пробудившимися способностями сами приходили к воротам гимназии в поисках лучшей доли. Прежде такие недомаги рано погибали или всю жизнь прозябали в нищете, отвергнутые обществом, изгои в собственной семье.

Новость, что занятия на сегодня отменяются, а гимназисты получают выходной и разрешение выйти в город, класс встретил громогласным «Ура!». Бланк разрешения надлежало получить у директора. Желающие могли написать заявление в бухгалтерию на выдачу наличных средств, если таковые имелись.

Вручая пропуска, Савушкин напомнил о надлежащем поведении гимназиста в городе и необходимости вернуться к сроку. Выпускали нас под присмотром воспитателей, обязанных следить за учениками и во внеурочное время. Но даже так, предвкушение праздника и веселья захватывало и поднимало настроение до небывалых высот.

Высыпав гурьбой на улицу, мы стайкой окружили Зою Матвеевну, определяясь, куда же пойти. Впрочем, решение назрело само собой – в центр! Тут и пешком недалеко, нам прогуляться только в радость, несмотря на первый снег, срывающийся то дождем, то ледяными крупинками. На площади перед зданием администрации рабочие только готовили сцену для артистов, сколачивали столы из досок и устанавливали лавки. Ушлие торговцы уже всюю предлагали горячие пирожки и карамельные леденцы. Шумная толпа образовалась у выставленных градоначальником бочек с хмелем. Но нам туда точно не надо! И не потому, что за нами присматривали и пресекали любые нарушения правил. Просто каждый гимназист осознавал, что даже один глоточек станет шагом в пропасть, из которой уже не выбраться. Лучше угоститься горячим чаем или взваром, которые щедро разливали в ближайшей таверне.

– Идемте до галантерейных рядов прогуляемся! – предложила Полина. – Все равно тут еще пару часов ничего интересного не случится.

Как же она ошибалась! Мы едва успели поглазеть на кра-

сивые ткани и прикупить себе ниток и атласных лент, как на улице раздался чей-то истошный крик.

– Уби-или! Ироды проклятые! Как есть, убили!

Праздная толпа раскололась на две части. Одни поспешили убраться подальше, чтобы не столкнуться с чужой бедой, а другие хлынули поглазеть, кого там убили и что произошло. Мы относились к последним, тем более, что несчастье случилось в соседней лавке. Кто-то размозжил голову торговцу, забрал кассу и скрылся в толчее. Возможно, что преступник недалеко убежал, так как улицы усиленно патрулировались жандармским корпусом, приданным в помощь городовым и околоточным.

Полиции удалось оттеснить толпу, но часть следов уже безнадежно затоптали. Мы с девчонками прилипли к стеклянной витрине, глаза на распростертое на полу грузное тело и расплывающуюся красную лужу под ним. Тут же, в крови, валялась гипсовая статуэтка, которой бедолаге проломили голову.

Новости разнеслись по площади мгновенно, и уже обросли невероятными подробностями. О происшествии добрые люди уже сообщили родственникам. Пробиваясь через толпу, бегом прибежали жена и дочь убитого. Увидев отца семейства, супруга завывала, запричитала, бросилась к мужу, да только ее не пустили. А девчонка лет тринадцати стояла и смотрела широко распахнутыми глазами, в которых застыли слезы.

– Эх, видока бы сейчас сюда! – бросил в сердцах городской, который ничего не добился у помощницы лавочника, в момент убийства отлучившейся в дальнюю комнату за товаром.

– Так, ведь вызвали! Едет! – отозвался жандарм с обвислыми усами и шрамом на щеке.

– Когда-то он приедет теперь! Тут бы поймать стервеца, пока далеко не ушел.

– А-а-а! – заголосила вдова, увидев развороченную кассу. – Кормильца убили! Деньги украли и последних средств к существованию лишили!

– Ваше благородие! – я ринулась ко входу, огибая двух любопытствующих кумушек. – Разрешите обратиться?

– Молчанова, куда? – возмутилась сзади воспитательница. – Не положено!

– Позвольте мне помочь найти убийцу! – Я сделала вид, что не расслышала Панфилову, и вытянула вперед руку, демонстрируя перчатку.

– Барышня? – Казачок прошелся по мне изучающим взглядом. – Седьмая специализированная гимназия, четвертый курс. Хм. А вы уверены? Прежде сталкивались с таким?

– Уверена! Я справлюсь!

– О, так это же Анастасия Трофимовна! – узнал меня городской и многозначительно подмигнул жандарму. – Та самая.

– Хм, по свежему следу быстрее душегуба отыщем. Вы уж

не подведите. — Мужчина кивнул жандармам, перекрывшим путь, чтобы меня пропустили. — Идите. А с начальством вашим я договарюсь. — Прикрыл меня грудью от пышущей гневом Зои Матвеевны. Выговор воспитательницы я как-нибудь переживу, а преступника по горячим следам искать нужно.

— Благодарю за доверие! Я не подведу! — С волнением я протиснулась вперед и зашла в лавку.

Прежде чем приступить к делу, сняла верхнюю одежду, осторожно стянула перчатки и огляделась, где лучше встать, чтобы не упустить ни одной детали преступления. Выбрав дальний угол, которого достигла струйка крови, я присела на корточки, глубоко вздохнула и коснулась алой субстанции.

Тотчас обстановка вокруг изменилась. Хозяин, живой и здоровый, хлопотал у прилавка, предвкушая будущую прибыль. Помощница спешно раскладывала товар по полкам, перебирала платки и шали, выдвигая наперед модные расцветки. Скоро народ наугощается и пойдет гулять. Дорогие шляпки, котелки или цилиндры вряд ли купят, а вот подешевле гостинец — гребешок ли, платочек — как раз подойдет, чтобы зазнобу порадовать. Поэтому спешил Авдей Васильевич и Груньку-помощницу поторапливал, а то больно медленно шевелилась.

Торговец как раз услал женщину в дальнюю комнату за посадскими шальями, когда на входной двери тренькнул колокольчик и ввалилась толпа посетителей. Разгоряченные, шумные, они бестолково топтались у прилавка, поэтому тор-

говец цепко следил, чтобы не утащили чего в суете. Может, и нет среди них ворья, однако же, когда соблазн появляется, то редкий человек устоит. Вот от этих соблазнов и ограждал зоркий хозяйский присмотр. Уж лучше бы что-то из товаров уперли, потому как среди праздных чужаков вдруг промелькнуло знакомое лицо. Я поняла это, заприметив, как изумленно взметнулись брови господина Поликарпова. И не только я, гость тоже сообразил, что его узнали. Видно, этим фактом несчастный торговец подписал себе приговор.

Незнакомец носил приметную длиннополую шляпу и держался в тени, прятался за приподнятым воротником пальто. Однако же, когда гость, высказав просьбу, получил отказ и взбесился, то раскрыл мне себя. Пока он, схватив с полки злополучную статуэтку, четыре раза ударил Поликарпова по голове, я подробно рассмотрела внешность и запомнила приметы преступника. Удивительно, что дело происходило в светлое время суток, а с улицы никто и ничего не заметил! Волна посетителей как раз схлынула, привлеченная шумом снаружи.

Наверное, там произошло что-то, приковавшее внимание, и этим сыграло убийце на руку. Бил он хладнокровно, со знанием дела, просто потому, что Поликарпов его узнал. Убедившись, что жертва не дышит, преступник спешно обчистил карманы торговца и выгреб наличность из кассы. На пути к выходу замешкался у прилавка с головными уборами, схватил с полки кепи с длинным козырьком и примерил,

надвигая на лоб поглубже. Затем спокойно вышел и растворился в толпе.

– Ну, что? – К тому моменту, как видение развеялось, прибыл следователь Запрудов Николай Васильевич и жаждал получить подробности.

– Я видела его и смогу описать, – ответила, поднимаясь с колен. – Где тут можно руки сполоснуть?

– Позже! Ну, не томите! – взорвался от нетерпения старый знакомый, с которым впервые повстречалась в больнице.

– Мужчина простого сословия, возраст тридцать пять – сорок лет, жилистый, любитель выпить, о чем свидетельствует синюшный цвет кожи и мешки под глазами. Нос картошкой, был не раз сломан, отчего кажется, что он приплюснут и немного свернут набок. Одет в темно-серое пальто солдатского кроя, кепи, клетчатый шарф. Постойте! – оторопело вытаращилась на мужчину, спешно записывающего мои показания. – Я уже читала схожее описание. Это он! Точно! Все сходится. Я знаю, кто убил господина Поликарпова.

– Кто же? – Оторвавшись от письма, мужчина замер, и остальные жандармы притихли, ожидая ответа.

– Это Фрол Кузьмичев, разыскиваемый за убийство купца Холзмана! Он напал на торговца, когда понял, что тот его узнал. Выходит, он был знаком с жертвой?

– Уверены? – уточнил Запрудов.

– Описание сходится! Если поднимите дело, то...

– Достаточно! – Остановил меня жестом. – Приметы Кузь-

мичева я наизусть выучил. Вы правы, они совпадают. Богу-чарцев! – окликнул того самого казака, что допустил меня к расследованию. – Поднимай ребят! Оцепляйте центральные кварталы и хватайте каждого, кто подходит под описание. После разберемся и невиновных отпустим. Главное, поймайте душегуба!

– Пойдите! Вот! – Ткнула пальцем в шляпу. – Это принадлежало убийце. Возможно, поисковые собаки возьмут след?

Следователь кивнул и молча окинул взглядом толпу, собравшуюся у входа в лавку. Ясно, что в такой мешанине запахов след давно потерялся.

– Есть кое-кто лучше поисковых собак. Соловьев! – позвал молодого паренька в черной униформе Следственного комитета. – Вызови сюда Выдрова. За Германом Петровичем машину послали?

– Так, сразу сообщили. Ему и Зорину магические вестники направили. Может, Акима Фатеевича к делу привлечь? Гортань вроде не повреждена и покойничек свежий. Сам и доложит, за что его порешили. Заодно семье подскажет, где кубышку припрятал.

– То же дело. Вызывай! – распорядившись, Запрудов развернулся ко мне. – Анастасия Трофимовна, прошу задержаться и составить отчет.

– Сейчас найду, где руки помыть, и сразу приступлю.

Я заглянула в подсобку, откуда имелся выход на кухню, и

приметила в углу рукомоиник. Тщательно отскоблила пальцы от подсохшей крови, промокнула влагу полотенцем, после чего вернулась в лавку. Теперь уже сюда набилась куча полицейских, которые что-то замеряли, делали магоснимки, копались в бумагах убитого, снимали отпечатки. Я нашла свободное местечко за прилавком, позаимствовала у хозяйки пару чистых листов бумаги, самописку и села за составление отчета.

– Какая встреча! – Свет магического светильника неожиданно загородила тень. – А я гадал, кого из коллег вызовут на подмогу. Спешил из последних сил, летел, и все равно опоздал. Рад, что из всех видовков нашего города выбор пал на тебя.

– Доброго дня, Ваше благородие! – Я отложила самописку и мило улыбнулась молодому человеку.

– Ну, какое благородие? Мы же давно на «ты», Настенька?

– Константин Алексеевич, на службе – не положено, – мягко поправила я и покачала указательным пальцем.

– А мы никому не скажем? – Зорин заговорщически подмигнул.

– Простите, нужно закончить отчет. – Я тяжело вздохнула, наигранно закатила глаза вверх и вздрогнула.

На миг привиделось, что над парнем нависла черная дымка. Но нет, всего лишь причудливая игра света и тени. Стоило посмотреть под другим углом, и странности исчезли. Незаметно перевела дух. Издержки профессии, наверное.

Мерещится всякое.

– Так, давай, помогу! Что тут у тебя? – Ловко выхватив исписанный лист, Зорин вчитался в содержимое. Позаимствовав самописку, бегло прошелся по тексту и сделал несколько пометок. – Ты не можешь утверждать, что это был Фрол Кузьмичев. Только, если имела с ним личное знакомство. В отчете укажи, что приметы совпадают с подозреваемым, а выводы пусть делает следователь. Добавь детали при описании самого преступления: как убийца наносил удары, с какой силой, куда попали брызги крови. Преступник бил с близкого расстояния, значит, на одежде остались следы.

– Спасибо! – Я ничуть не обиделась замечаниям. Все равно сделала пару помарок и подумывала, чтобы переписать набело. А тут такие ценные дополнения. – Вот, что значит, опытный видок.

– Ничего! И ты научишься со временем, – приободрил Константин. – Настенька, ты до которого часа тут пробудешь?

– А что?

– Раз уж меня вернули с полдороги, а в империи объявили праздничные дни... – Зорин развел руками, а после элегантно жестом потянулся, чтобы заправить мне за ухо выбившуюся прядку волос. – Настенька, а пойдемте в театр? Я приглашаю! Сегодня вечером!

– О! Но это... – Я зарделась, польщенная предложением. – Боюсь, меня не отпустят. Зоя Матвеевна будет недовольна

тем, что я самовольно вызвалась помочь тут. Да и с девочками договорились вместе погулять.

– Обещаю уладить этот вопрос. – Хитро подмигнул. – Так, я заеду в семь?

– Э... да. – Зорин так быстро ввернул предложение с театром, что сразу не нашлось аргументов для отказа. А после в мысли закралось искушающее, а зачем? Ведь это же не свидание! – А как же мои девчонки?

– Хм, думаю, они не откажутся составить компанию?

– Вы, что же, всех пригласите?

– Почему бы и нет? Праздник же! – Улыбнулся заразной улыбкой, от которой стало теплее. – Отлучусь ненадолго, у меня еще есть дела. – Костя достал из кармана брюк часы на цепочке и посмотрел время. – До скорой встречи, Настенька.

После ухода Зорина дело с отчетом пошло быстрее. Я учла замечания, переписала текст без помарок и передала бумаги Запрудову. Следователь приложил показания к делу и сухо поблагодарил за помощь.

– Вы можете быть свободны. Если понадобится, за вами пришлю.

– Служу империи! Ваше высокоблагородие, позвольте обратиться?

– Что? – Устало посмотрел водянисто-серыми глазами.

– Скажите, пожалуйста, душегуба поймали?

– Нет. – Мотнул головой. – Как в воду канул. Видно лежка

у него неподалеку. Но ничего, мы тут каждый уголок обыщем и найдем эту сво... хм, простите. Пока проверяем связи Поликарпова. Вдруг выйдем на след? Благодарю за службу.

Попрощавшись со следователем и остальными, я вдруг вспомнила о просьбе канцлера приглядываться к обуви сотрудников. Алим Осипович оказался прав, что меня знают служащие Управы, с которыми я даже не знакома. С облегчением перевела дух, что среди присутствующих полицейских и жандармов нет никого похожего на того типа из видения.

На выходе встретилась со своими девчонками. Присматривал за ними Тарас Григорьевич Нахлебов. Остальные под надзором Панфиловой отправились на представление артистов.

– Аська, ну, ты даешь! – Первой подбежала Мила, хватая за руки. – Какая ты смелая! Видела, как убийство произошло? Вот, прямо так, как на занятиях рассказывают?

– Между прочим, мы из-за тебя представление пропустили. Со столов угощение в миг размели, а нам ничего не досталось, – насупилась Дашка. – И замерзли, к тому же!

– Ага! – поддакнула Марфа.

– Так, идемте греться! Тарас Григорьевич, где тут можно чаю горячего попить? С баранками?

– Вам бы, барышни, чего посущественнее, а не то заболете, – хмыкнул городской. – Знаю тут одно место, где отличный взвар подают. И перекусить можно недорого.

– Ведите же скорее! – простучала зубами Григорьева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.